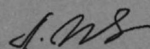

0-796262

На правах рукописи

Инютина Людмила Александровна

**ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVII – XVIII ВВ.:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА**

10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск – 2012

Работа выполнена на кафедре древних языков ФГБОУ ВПО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Панин Леонид Григорьевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»
Пименова Марина Владимировна, профессор

доктор филологических наук, профессор ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина»
Рут Мария Эдуардовна, профессор

доктор филологических наук, профессор ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»
Фельде Ольга Викторовна, профессор

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Защита состоится «29» мая 2012 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34а.

Автореферат разослан «15» апреля 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, профессор

Л. А. Захарова

Л. А. Захарова

Диссертация посвящена исследованию концептуализации пространства в лексике русского языка Западной Сибири XVII–XVIII вв.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В истории страны совпали и оказались связанными местом и временем явления реальной действительности и языка: открытие и освоение русскими людьми Сибири и «присвоение» этого пространства, выраженное в русском языке XVII–XVIII вв. В изученном массиве западносибирских источников зафиксировано в разнообразном лексическом выражении («завоевание», «покорение») Сибири – *взятие, бой, брань, сечься, биться, победить, покорить, смирить, привести к шерти* и др.; «открытие» – *путь, идти, прийти, плыть, приплыть, река, вверх, вниз, устье, остров, берег, волок, озеро, камень* и др.; «присоединение» – *Назимской городок, Булугацкий улус, Атбац, Ябалак, Чингиден, татары, остяки* и др.; «освоение» Сибири – *жить, поставить, город, острожек, пахать, пашня, торг* и др. В исследовании выясняется, как в языке русских первооткрывателей Сибири и поколений их потомков формировалось отражение представления о пространстве за Уральским Камнем, которое стало частью Российского государства в течение XVII века, имело и имеет в языке свое собственное название, входящее в лексическую парадигму *Сибирь – Россия, сибирский – российский*. Поскольку представление (не понятие, предполагающее в большей степени преобладание рационального начала) объединяет чувственно-наглядный и обобщенный, ментальный уровни восприятия мира, представление о сибирском пространстве, по нашему мнению, соединяет в себе постижение этого пространства не только в физическом, географическом смысле, но и в окрашенном человеческим присутствием и отношением, в государственном, военном и т. д. смыслах.

Языковая концептуализация сибирского пространства рассматривается в отражении семантических полей пространства, реконструированных на материале комплекса западносибирских письменных памятников XVII–XVIII вв. разной жанрово-стилистической отнесенности.

С точки зрения когнитивной семантики, изучение истории лексики позволяет проникнуть в суть сложного процесса познания и объяснения мира человеком, осмыслить семантическое своеобразие языка. Семантическая эволюция лексических единиц¹ (ЛЕ), обозначающих пространство в сибирском (томском) старожильческом говоре, анализируется как неотъемлемая

¹ Лексические единицы – лексемы и единицы, структурно соответствующие словосочетанию, но выражающие, как и слово, единое понятие, выполняющие номинативную функцию и являющиеся регулярными в языке в различные периоды его развития [Торопцев, 1970; Клямковская, 1973, 2008; Голев, 1979].

составляющая развития его лексико-семантической системы от исходного до современного состояния.

Актуальность темы исследования определяется следующим. В-первых, современное языкознание столкнулось с невозможностью адекватного объяснения языковых явлений и процессов в рамках структурно-системного поуровневого анализа, при разделении синхронии и диахронии, формального и семантического, языкового и речевого. Интегральный подход, свойственный лингвистике сегодня, выдвинул на первый план проблемы отражения языком сознания и действительности (работы Ю. Н. Караулова [1981], Ю. Д. Апресяна [1995], А. Вежбицкой [1992, 1999, 2001, 2002], Н. Д. Арутюновой [2000], Е. Л. Березович, М. Э. Рут [2000], В. Г. Гака [2000], Е. С. Кубряковой [2000], Ю. С. Степанова [2001], Т. И. Вендиной [2002], М. В. Пименовой [2007], Г. В. Калиткиной [2010] и др.), соотношения синхронного и диахронического при анализе фактов (работы Е. С. Яковлевой [1994], Е. В. Урысон [1996], Анны А. Зализняк [2001, 2004], Л. П. Дроновой [2006], Л. Г. Панина [2006], О. Г. Щитовой [2008] и др.). Реконструкция лексической объективации пространства в картине мира носителей русского языка в Западной Сибири XVII–XVIII вв., как представляется, соответствует уровню сложности решаемых современным языкознанием задач.

Во-вторых, принципиально важными для изучения заявленной проблемы являются аспекты поиска: концептуальный (реконструкция семантических полей и, соответственно, языковой пространственной картины мира на материале сибирских источников); семасиологический (анализ семантики лексических единиц в формирующейся лексической системе сибирского говора); территориальный (русский язык в Сибири и в метрополии; «материнские» говоры и сибирские русские старожильческие говоры, образовавшиеся в XVII в.).

Каждое из названных направлений исследования коррелирует с диахроническим аспектом: 1) диахрония задана объектом нашего исследования – русский язык в Западной Сибири с XVII по XVIII вв. (в ряде разделов реферируемой работы – до XX в.); 2) выяснение истории и эволюции концептов характерно для лингвокогнитивных исследований [В. В. Колесов, 1986; И. И. Макеева, 1999, 2000; Е. С. Кубрякова, 2000; Ю. С. Степанов, 2001; О. Б. Пономарева, 2007 и др.]; 3) современная лингвистическая парадигма, исходящая из понимания сложности «объясняемого» объекта, предопределяет парамет-

ры и методы исследования, адекватные объекту [В. З. Демьянков, 1995; Е. С. Кубрякова, 1995, Н. Д. Арутюнова, 2000; Т. А. Демешкина, 2002 и др.].

В-третьих, в российской лингвистике отмечается недостаточная изученность особенностей русского языка в Сибири: русские говоры (наиболее исследованное направление), русский литературный язык, русский язык у местных народов. Некоторые же из перечисленных направлений исследования русского языка на этой территории, в частности, истории русского языка в Сибири в начальные периоды освоения края, «могут быть названы только в качестве перспективных»². Исследование направлено на выявление лексического отражения представления о пространстве Сибири (различно характеризуемого и соотносимого с другими понятийными категориями) в памятниках письменности литературного и территориального вариантов русского языка Западной Сибири XVII–XVIII вв. (сибирские летописи и фольклор, региональные памятники делового письма). Закономерности формирования лексической репрезентации представления о пространстве в русском языке Западной Сибири XVII–XVIII вв. определяются на основе анализа языковых фактов конкретной реально функционирующей системы, какой является сибирский (томский) старожильческий говор, существующий на протяжении четырехсот лет.

В-четвёртых, в современном языкознании насущной является задача развития используемых методов и приемов семантического и когнитивного анализа применительно к диахроническому материалу исследования.

Цель диссертационного сочинения – реконструировать отражение представления о пространстве Сибири в языке западносибирских текстов XVII–XVIII вв., охарактеризовать формирование и эволюцию лексической экспликации пространства в картине мира носителей одного сибирского (томского) старожильческого говора в этот же период.

Объектом исследования является лексика с семантикой пространства, зафиксированная в сибирских летописях, текстах западносибирских фольклорных произведений XVII–XVIII вв., томских памятниках деловой письменности этого периода (в ряде случаев – до начала XX в.) и в памятниках, созданных на территории бытования материнских говоров.

² Панин Л. Г. О словаре русской народно-диалектной речи в Сибири XVII-XVIII вв. // Актуальные проблемы русистики: Языковые аспекты регионального существования человека : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею акад. МАН ВШ, д-ра филол. наук, профессора О. И. Блиновой / отв. ред. Т. А. Демешкина. – Томск, 2006. – Вып. 3. – С. 134.

Предметом исследования стала семантика лексических единиц как репрезентант структуры семантического поля пространства, а также как отражение языковой концептуализации пространства в процессе формирования лексической системы сибирского (томского) старожильческого говора и в процессе исторического изменения лексического значения слов в данной системе.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1) обосновать продуктивность привлечения комплекса текстов одного хронотопа, но разной жанрово-стилистической отнесённости для реконструкции семантического поля и разработать методику такой реконструкции на основании анализа текстов памятников письменности;

2) реконструировать пространственную картину мира, отражённую в русском языке Западной Сибири XVII–XVIII вв. и вариативно воплощённую в семантических полях пространства в текстах региональных памятников письменности (летописных, деловых), а также в текстах фольклорных произведений;

3) выявить специфику лексической (апеллятивной и проприальной) и лексико-словообразовательной репрезентации пространственной семантики в структуре семантических полей и, следовательно, в концептуализации пространства;

4) усовершенствовать методику реконструкции лексики вторичного говора позднего образования в его исходном состоянии, разработанную В. В. Палагиной, реконструировать лексические единицы с семантикой пространства в сибирском (томском) старожильческом говоре в первой половине XVII в. и определить факторы, влиявшие на конкуренцию лексики материнских говоров и вхождение этой лексики в систему говора вторичного образования;

5) охарактеризовать развитие состава называющих пространственные объекты лексических единиц в томском говоре и установить формирующиеся системные семантические связи и отношения между ними во второй половине XVII–XVIII вв.;

6) с помощью разработанной методики анализа семантической эволюции слова в определённой лексической системе (с проспективным и ретроспективным направлениями анализа) выявить изменения в семантике эксплицирующих пространственные понятия лексических единиц и объяснить их как отражение процесса познания и интерпретации пространства человеком.

Материал исследования отобран из рукописных (около 7000 листов рукописей) и опубликованных источников (более 15000 страниц публикаций), словарей, а также из картотек. Основу источниковой базы составили памятники письменности, созданные в Западной Сибири в период с начала XVII в. по XVIII в. Для написания ряда глав исследования материал также извлекался из местных источников более поздней эпохи: XIX – первой половины XX вв., поскольку анализ семантических сдвигов в структуре лексического значения пространственных ЛЕ, единиц лексико-семантической системы одного говора, является результативным при рассмотрении в более глубокой диахронии.

Памятники сибирской письменности разнообразны в жанрово-стилистическом отношении. Значительная их часть – тексты делового письма разных жанров (грамоты; дозорные, крестьянские, сельскохозяйственные, ужинные и умолотные, приходные и расходные, таможенные, именные и др. книги; отписки воевод; расспросные речи; посольские сказки; росписи; сметные списки; челобитные и т. д.). Тексты Сибирских летописей (Есиповская группа) представляют собой образец народно-литературного типа русского языка, отличающийся «церковнославянизацией» [Л. Г. Панин, 1994; Н. М. Сабельфельд, 2006]. Тексты фольклорных произведений в Сборнике Кириши Данилова рассматриваются в исследовании в качестве источника изучения устной формы «культурно-языкового проявления традиции»³ в Западной Сибири XVII–XVIII вв., которая, безусловно, имея региональный характер, выводится за пределы функциональных стилей диалекта и признаётся самостоятельной подсистемой национального языка [О. И. Киселёва, 1988; С. Э. Мартынова, 1992].

Используемые в работе источники характеризуются как региональные. Значительная часть из них является памятниками, связанными местом своего написания с Томском. Эти тексты рассмотрены как отражающие историю томского говора. Письменные памятники, созданные в разных городах и острогах Западной Сибири, являются западносибирскими. Определённая часть текстов написана на территории бытования говоров европейской части Московской Руси, ставших материнскими говорами для исследуемого в работе томского говора XVII в.

Лексический материал извлечён также

³ Панин Л. Г. О словаре русской народно-диалектной речи ... С. 134.

- из исторических словарей (Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в. [Томск, 2002]; Словарь русского языка XI–XVII вв. (вып. 1–28) [М., 1975–2008]; Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. [Новосибирск, 1991]; Цомакион Н. А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в. [Красноярск, 1971]);

- из диалектных словарей (Вершининский словарь (т. 1–7) [Томск, 1998–2002]; Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края [Пермь, 2007]; Полный словарь сибирского говора (т. 1–4) [Томск, 1991–1995]; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби (т. 1–3) [Томск, 1964–1967] и др.);

- из терминологических словарей (Бурнашев В. В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричных промыслов и быта народного (т. 1–3) [СПб., 1843–1844]; Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря Древней Руси [М.–Л., 1937] и др.).

К исследованию привлечены материалы картотек Словаря русского языка XI–XVII вв., Словаря древнерусского языка (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва), Словаря народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в. (Томский государственный университет), Полного словаря сибирского говора (Томский государственный университет), материалы диалектологических экспедиций в д. Губино (Томский государственный университет).

Таким образом, для проведения когнитивного диахронического исследования из разных источников извлечено 2732 лексические единицы, из них 1120 лексических единиц, отобранных из западносибирских летописных и фольклорных источников, а также из памятников делового письма, проанализированы в 4936-ти фиксациях.

Научная новизна исследования

1. Впервые осуществлено когнитивное исследование лексики русского языка с семантикой пространства, бытовавшей в западносибирском регионе в период XVII–XVIII вв., который является временем открытия и начала освоения русскими людьми сибирских земель и одновременно начальным этапом формирования русского языка на этой территории. Концептуализация сибирского пространства в русском языке Западной Сибири XVII–XVIII вв. объяснена в работе как структурирование семантических полей, отражающих сложное и многомерное представление носителей языка о открытой и осваи-

ваемой ими территории. Благодаря реконструкции семантических полей пространства на основании данных комплекса региональных источников, выявлены существенные свойства концептуализированной предметной области (пространства Сибири). С помощью сравнительного анализа реконструированных семантических полей установлена выраженная в них вариативность и динамичность представлений о пространстве Сибири в исследуемый период.

2. Обоснована необходимость и продуктивность привлечения для проведения историко-лексикологического семасиологического исследования в когнитивном, структурно-системном, историко-культурологическом, территориальном аспектах значительного количества текстов, характеризующихся достаточным объёмом, созданных на одной территории в один и тот же исторический период, однако разных в жанрово-стилистическом отношении. В научный оборот введён ряд неопубликованных памятников западносибирской деловой письменности XVII–XVIII вв., томских деловых документов XVII–первой половины XX вв. На основании анализа такого комплекса текстов определено лексическое значение ряда слов, не зафиксированных в исторических словарях русского языка.

3. Имена собственные проанализированы наряду с именами нарицательными как способ выражения представления о пространстве в структуре семантического поля пространства и, следовательно, в языковой пространственной картине мира. Вместе с тем они сохраняют специфику своего проприального значения (идентификация места, вместилища, объектов в пространстве и пр.) и особое место в лексической репрезентации.

4. Существующая методика реконструкции исходного состояния говора вторичного образования (первая половина XVII в.), разработанная в трудах В. В. Палагиной, дополнена приёмами, позволяющими расширить сравнительную базу исследования за счёт привлечения материалов, отражающих не только материнские говоры и этот говор в его современном состоянии, но и материалы, отражающие все периоды его истории (со второй половины XVII в. до первой половины XX в.). Восстановление состава ЛЕ одного западносибирского (томского) говора в период его зарождения осуществлено с меньшей степенью гипотетичности.

5. Преобразования определённой лексико-семантической системы, наблюдаемые на уровне ее микро- и макроединиц (от отдельных ЛЕ до лексических рядов; от сем, компонентов структуры лексического значения, до компонентов, структурирующих семантическое поле), объяснены как эксплика-

ция формирования региональной языковой пространственной картины мира. Установлены интра- и экстралингвистические причины таких изменений на примере томского говора в разные периоды его истории.

6. С помощью разработанной методики анализа семантической эволюции слова в определённой лексической системе (с проспективным и ретроспективным направлениями анализа) семантические изменения ряда ЛЕ проанализированы в четырёхвековой диахронии (с начала XVII в. по XX в.) в лексической системе томского говора. Они отражают диалектику устойчивости и динамичности сибирской языковой пространственной картины мира.

7. Существующие методы и приёмы семантического анализа, дополненные или разработанные в исследовании (следует назвать, кроме отмеченных выше, методику реконструкции семантического поля на основании анализа текстов памятников письменности XVII–XVIII вв.), использованы комплексно с целью интерпретации семантики анализируемых единиц в когнитивном аспекте.

Методы и приёмы исследования

В диссертационном исследовании материал анализировался в диахроническом плане как в проспекции (эволюция лексического значения ЛЕ томского говора, формирование лексических групп в говоре на протяжении ряда веков), так и в ретроспекции (история лексических групп, отмеченных в современном говоре), а также в синхроническом плане (реконструкция семантических полей пространства на материале западносибирских летописных и фольклорных текстов, памятников деловой письменности XVII–XVIII вв.; реконструкция ЛЕ томского говора в его исходном состоянии).

Методологическую базу исследования составляют принципы историко-культурологического, структурно-системного и концептуального подходов к лексическому материалу. Методологические принципы исследования реализованы в использовании комплекса исследовательских методов: *описательного* с его общенаучными приёмами *наблюдения, систематизации и квантитативного* анализа лексического материала, приёмами внешней интерпретации (приём *тематической классификации, лингвогеографии*). Используемые в работе приёмы внутренней интерпретации реализуют принципы структурно-системного и концептуального подходов: *дистрибутивная и парадигматическая методика, прием компонентного анализа лексического значения, приём семантического поля* (полевая методика), приём *логического*

лингвистического анализа. Использован приём внутренней реконструкции историко-сравнительного метода.

Материал исследования извлечён приёмом *сплошной выборки* из комплекса текстов, являющихся источниками реферируемой работы.

Теоретическое значение работы составляет разработка теории и методики исследования семантики ЛЕ русского языка в Западной Сибири XVII–XVIII вв. в *когнитивном* аспекте, а также вклад в решение актуальных проблем исторической семасиологии, русской региональной исторической лексикологии и диалектологии, ономастики.

Благодаря изучению лексического выражения концептуализированной предметной области – категории пространства – в исторической перспективе, диссертация вносит определённый вклад в *теорию языка*, освещая проблему взаимосвязи языка и сознания.

Вкладом в *историческую диалектологию и лексикологию* русского языка представляется когнитивное направление исследования, лишь начинающее разрабатываться на диахроническом языковом материале; преодоление фрагментарности (источниковой, ареальной, временной), свойственной историко-лексикологическим изысканиям, проводимым на региональном материале. Во-первых, в диссертации реконструкция сибирской пространственной картины мира XVII–XVIII вв. основывается на анализе комплекса региональных памятников письменности, отражающих как народно-литературный тип языка в его устной и письменной форме, так и диалектную разговорную речь этого периода. Во-вторых, определены особенности взаимодействия лексики материнских говоров в процессе формирования лексического состава вторичного сибирского (томского) говора в его исходном состоянии и в истории становления его лексической системы в последующие периоды. В-третьих, выяснена или уточнена территориальная отнесённость (наличие / отсутствие ареала, широкое / узкое распространение) пространственных наименований, составивших лексикон этого сибирского говора в начальный период формирования языка нации.

Развитием теоретических положений *исторической семасиологии* является анализ семантической эволюции ЛЕ, а также разработка принципов и методики такого диахронического анализа на основе приемов синхронного структурно-системного метода (компонентный, дистрибутивный, парадигматический анализы); реконструкция семантического поля, опирающаяся на данные памятника (памятников) письменности.

Результаты исследования представляют теоретическую значимость для *онамастики*: имена собственные описаны как часть единого языкового континуума в диахроническом лингвокогнитивном исследовании, то есть определена их роль в структуре семантического поля пространства, экплицированного нарицательными и проприальными ЛЕ, единицами разной структуры, разной грамматической принадлежности.

Состав *методов* лингвистических исследований пополнен методиками семантического анализа (усовершенствованными или разработанными нами), нацеленными на когнитивную интерпретацию диахронической лексической системы.

Практическая значимость. Результаты проведённого исследования представляют ценность для учёных, занимающихся проблемами истории языка, исторической и современной семасиологии, лексикологии, диалектологии, лингвокогнитологии и лингвофольклористики, а также онамастики.

Материалы реферируемой диссертационной работы могут быть использованы в лексикографической практике: при составлении региональных исторических словарей и семантических словарей.

Наблюдения и выводы, сделанные в работе, могут быть включены в практику преподавания исторической лексикологии русского языка, исторической диалектологии, региональной лексикологии, исторической семасиологии; в подготовку курсов по когнитивной семантике, русской онамастике, лингвистическому краеведению; в чтение раздела о языке XVII–XVIII вв. в курсе «История русского литературного языка», раздела «Язык фольклора» в курсе «Устное народное творчество», раздела «Методы языкознания» в курсе «Теория языка. Общее языкознание».

Основные положения, выносимые на защиту

1. Концептуализация сибирского пространства в русском языке Западной Сибири XVII–XVIII вв. понимается как познание и интерпретация этого пространства русскими переселенцами в процессе его покорения и освоения, объективированные в лексической семантике. Реконструированные на основании логического анализа семантики и семантических отношений лексических единиц в западносибирских источниках этого хронотопа семантические поля пространства являются важнейшим элементом, выражающим региональную языковую пространственную картину мира. Семантические поля представляют собой сложные многоярусные структуры, состоящие из различных семантических компонентов.

Поскольку исследование концептуальной структуры языка позволяет выявить наиболее глубокие и важные свойства отражаемой языком действительности, в реконструированных семантических полях пространства выражены существенные свойства концептуализированной предметной области – пространства Сибири:

- осмысление и языковое «присвоение» территории Сибири как части России, Московского царства;
- точное представление о географии Сибири;
- необходимость знания пути к открытым сибирским территориям;
- определённый масштаб видения сибирского пространства: от глобального, государственного до конкретного, личного;
- характеристика сибирской земли с точки зрения пригодности для оседлой жизни и утилитарного освоения русским человеком;

Сравнительный анализ реконструированных семантических полей выявляет выраженную в них вариативность и динамичность представлений русских людей о пространстве Сибири XVII–XVIII вв. как о становящемся «своим», но ещё новом и малоизвестном.

2. Семантические парадигматические отношения синонимии, проприальной полионимии, антонимии, гиперо-гипонимические, конверсивные, лексико-словообразовательные отношения, эксплицирующие семантические поля пространства, являются языковым отражением интереса к пространственным объектам, привлекающим общественное внимание. Объект Сибирь находится в центре такого общественного и государственного интереса в исследуемых текстах и реконструируемых семантических полях.

3. С точки зрения языковой экспликации, реконструируемые семантические поля пространства неоднородны и представляют собой пространственный континуум, выраженный апеллятивной лексикой, с одной стороны, и мозаику пространственных объектов, выраженную проприальной лексикой, с другой стороны. Имена собственные, значения которых отождествляют их с теми же денотатами, которые обозначены нарицательными именами, являются особенностью лексической репрезентации реконструированных семантических полей. Онимы именуют и идентифицируют реальные географические объекты как конкретные и уникальные. Они обладают в структуре поля значимостью, отличной от значимости апеллятивной лексики:

- имея специфический (референтный) тип значения, являются полноправными репрезентантами семантических отношений наряду с именами

нарицательными и отмечены как в ядерной, так и в периферийных сферах реконструируемого семантического поля;

- имена собственные, употребляясь в одних синтагмах с нарицательными, не вступают в парадигматические отношения с апеллятивами; они образуют свои замкнутые ономастические ряды (омонимические, полионимические);

- онимы могут образовывать самостоятельные ономастические ряды, эксплицирующие как ближнюю, так и дальнюю периферии семантического поля.

4. Глобальность и антропоморфичность представления о пространстве Сибири выводят его за пределы понимания только как физического простирания, места, протяжённости объектов, непосредственно видимых и воспринимаемых, в иные «непространственные» сферы: духовную, социальную и т. д. Непространственная лексика является особенностью лексической репрезентации названных атрибутов пространства в семантических полях, реконструированных в исследовании в качестве компонентов региональной пространственной картины мира. Семантика таких ЛЕ, формируя дальнюю периферию семантических полей пространства в анализируемых текстах, выражает ряд признаков пространства Сибири: а) власть и вера как закон, объединяющий пространство; б) население, его этническая принадлежность и язык – необходимая, хотя и периферийная характеристика места; в) природные, климатические явления, свойственные данной территории; г) средства передвижения по познаваемой территории, предметы, необходимые для освоения угодий и под.

5. Формирование и последующее изменение определённой лексико-семантической системы (сибирского (томского) старожильческого говора), наблюдаемые на материале ЛЕ с семантикой пространства, представляются экспликацией становления региональной языковой пространственной картины мира. Комплекс причин интра- и экстралингвистического характера детерминирует вхождение в систему томского говора начала XVII в. конкурирующих ЛЕ материнских говоров и формирование системных отношений между ними в период второй половины XVII–XVIII вв. Отражением концептуализации пространства является семантическая эволюция ЛЕ, которая проанализирована как взаимосвязанные процессы изменений в структуре лексических значений и семантической структуре слов, в синтагматике, парадиг-

матике и эпидигматике ЛЕ в лексической системе томского говора в диахронии с начала XVII в. до XX в.

7. Источниковая база исследования расширена за счет введения в лингвистический оборот неопубликованных западносибирских памятников деловой письменности XVII–XVIII вв. и обоснования правомерности использования фольклорных текстов этого же хронотопа в качестве источника изучения истории русского языка в Сибири. Необходимым и результативным является привлечение для историко-лексикологического семасиологического полиаспектного анализа комплекса текстов, характеризующихся достаточным объёмом, созданных на одной территории в один и тот же исторический период, однако разных в жанрово-стилистическом отношении.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре древних языков Новосибирского национального исследовательского государственно-го университета (06.02.2012 г.). Основные положения диссертации апробированы на 42 научных форумах разного ранга (международного – 20, федерального – 14, регионального – 8), в том числе:

Международный съезд русистов (Красноярск, КГПУ, 1–4 октября 1997 г.), международные научные конференции: «Лингвистический и эстетический аспекты анализа текста» (Соликамск, 4–5 декабря 1997 г.), «Предложение и Слово» (Саратов, Педагогический институт СГУ, 23–25 сентября 1999 г.; 3–5 октября 2000 г.; 29–30 сентября 2002 г.; 28–30 сентября 2005 г.; 14–16 октября 2010 г.), «Актуальные проблемы русистики» (Томск, ТГУ, 20–23 октября 2003 г.), «Проблемы современной русской диалектологии» (Москва, ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова, 23–25 марта 2004 г.), «Актуальные проблемы русистики: языковые аспекты регионального существования человека» (Томск, ТГУ, 9–11 ноября 2005 г.), «Актуальные проблемы русской диалектологии» (Москва, ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова, 23–25 октября 2006 г.), «Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты» (Бийск, БГПУ им. В. М. Шукшина, 30 ноября – 1 декабря 2006 г.), «II, III, IV, VI VII Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского» (Новокузнецк, КузГПА, 26–27 апреля 2006 г., 25–26 апреля 2007 г., 22–23 апреля 2008 г., 20–21 апреля 2010 г., 21–22 апреля 2011 г.), «Язык, литература и культура в региональном пространстве» (Барнаул, АГУ, 4–6 октября 2007 г.), «Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества» (Москва, ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова, 19–21 октября 2009 г.), «Актуальные проблемы русистики: Язык и мир в зеркале словаря» (Томск, ТГУ, 10–12 ноября 2010 г.),

«Актуальные проблемы и современное состояние общественных наук в условиях глобализации» (Москва, 14–15 мая 2011 г.);

всероссийские научные конференции: «Русская историческая лексикология и лексикография: результаты, проблемы, перспективы» (Красноярск, КГПУ, 23–25 ноября 1993 г.), конференция, посвящённая 90-летию со дня рождения д.ф.н., профессора А. А. Деметьева (Самара, СамГУ, март 1999 г.), «Язык. Человек. Картина мира» (Омск, ОмГУ, 27–29 сентября 2000 г.), «Актуальные проблемы русистики» (Томск, ТГУ, 4–5 ноября 2000 г.), «Проблемы лингвистического краеведения» (Пермь, ПШПУ, 14–16 ноября 2002 г.), «Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи» (Соликамск, СПГУ, 18–21 февраля 2004 г.), «Языковая концепция регионального существования человека и этноса» (Барнаул, АГУ, 7–9 октября 2004 г.), «Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Наделяев» (Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 27–29 сентября 2007 г.), «Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: XIII Всероссийские чтения имени проф. Р. Т. Гриб» (Лесосибирск, СибФУ, ЛПИ, 27–29 марта 2008 г.), II (с международным участием) научно-практическая конференция, посвящённая памяти профессора И. А. Воробьёвой «Язык, литература и культура в региональном пространстве» (Барнаул, АГУ, 6–9 октября 2010 г.);

региональные научные конференции «Функциональный анализ значимых единиц русского языка» (Новокузнецк, КузГПА, 6–7 октября 2007 г.), «Чтения, посвящённые 85-летию со дня рождения д.ф.н., проф., лауреата Государственной премии РФ В. В. Палагиной» (Томск, ТГУ, 2 ноября 2007 г.), «Томские филологические чтения: исследования русской и мировой культуры в языке и тексте» (Томск, ТГУ, 6–7 ноября 2008 г.), «Языки Сибири и сопредельных регионов» (Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 26–28 октября 2011 г.).

По теме диссертации опубликовано 35 работ, в том числе 8 статей в изданиях, включённых в реестр ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы

Диссертация состоит из введения; основной части, представленной пятью главами; заключения; списка литературы; списка сокращений; двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, ее новизна, теоретическое и практическое значение, характеризуется языковой материал, методы и приёмы его изучения, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Теоретические основы регионального историко-лексикологического исследования в когнитивном аспекте» состоит из семи параграфов.

В первом параграфе **«Русский язык в Западной Сибири в период её присоединения к Российскому государству в XVII–XVIII вв.»** развитие русского языка в Западной Сибири представляется процессом, содержанием которого стал переход от первоначального состояния языка пришедших в Сибирь разрозненных отрядов и групп русских служилых и вольных людей (в начале XVII в.), к состоянию языка со сформировавшимися (старожильческими) говорами [С. П. Kafka, 1892; А. А. Кауфман, 1894; В. Ламанский, 1895; А. М. Селищев, 1921; А. Д. Григорьев, 1921, 1928; П. Я. Черных, 1953; В. В. Палагина, 1973 и др.], речью городского населения, с развитой письменностью, начавшей своё становление литературой (в XVIII в.) [Д. Н. Беликов, 1898; Н. И. Никитин, 1990; Е. К. Ромодановская, 2002 и др.]. Специфику этого процесса составляют его автономность, детерминированная значительной удалённостью региона от метрополии, ролью церкви в развитии народно-литературного типа русского литературного языка, обусловившей его особенную традиционность [Л. Г. Панин, 1995; Н. М. Сабельфельд, 2006, 2008; Е. К. Ромодановская, 2002], и активное контактирование русского языка с иноязычной средой сибирских автохтонов [А. Е. Аникин, 2000; Е. В. Перехвальская, 2006; Н. В. Лабунец, 2007; О. Г. Щитова, 2008 и др.].

Обзор историко-лексикологических региональных исследований в русистике XX–начала XXI вв. во **втором параграфе** даёт представление о аккумуляции информации для создания обобщающего труда по исторической лексикологии русского национального языка и русского языка в Сибири:

- в формате *тематических групп* (ТГ) – лексических объединений, обусловленных денотативным аспектом значения слов, позволяющих проследить историю лексем, проникнуть в сущность семантической природы слова, раскрыть порядок наложения значений [Ф. П. Филин, 1957, 1963; Н. С. Бондарчук, 1984; Г. Н. Лукина, 1991];
- определения региональной отнесённости лексем, отграничения территориально маркированных явлений от немаркированных, особенно в донациональный период истории русского языка [Г. А. Богатова, 1984; Л. Г. Панин, 1985; Л. А. Захарова, 1977; О. С. Мжельская, 1988; Е. Н. Полякова, 1991; Г. В. Судаков, 1987; Е. Н. Борисова, 1990; Л. Ю. Астахина, 2006, 2009; А. П. Майоров, 2007, 2009]. В работе выбран единственный, по мнению автора, реальный способ дифференциации ЛЕ по этому признаку – проведение сопоставительного анализа языкового материала, извлекаемого из большого числа источников, созданных на различных территориях Московской Руси, которые определены (для исследуемого сибирского говора вторичного образования) в качестве территорий бытования материнских говоров;
- анализа семантической структуры ЛЕ и её семантической трансформации в истории русского языка [В. Я. Дерягин, 1968; Н. С. Бондарчук, 1984; Н. Г. Благова, 1987; Е. Н. Полякова, 1988; Л. Ю. Астахина, 1992, 2006 и др.];
- выяснения закономерностей и тенденций изменения лексико-семантической системы [Н. Т. Бухарева, 1970; Л. Ю. Астахина, 1989, 2003; С. С. Ваулина, 1989; С. В. Репневская, 1990; Г. Н. Старикова, 1990; А. Д. Васильев, 1993; Л. Г. Панин, 1995; И. И. Макеева, 1999; О. В. Фельде, 2000; Анна А. Зализняк, 2001; О. С. Мжельская, 2003; А. П. Майоров, 2006; В. Б. Крысько, 2007 и др.];
- совершенствования методологии: применение в диахронических лексико-семантических изысканиях методов системно-структурного (компонентного, дистрибутивного, системного) [К. П. Смолина, 1982; Н. Г. Благова, 1987; С. В. Репневская, 1987; С. С. Ваулина, 1988; Г. П. Снетова, 1989; М. И. Чернышева, Ю. Н. Филиппович, 1999; О. Г. Щитова, 2008 и др.] и метода когнитивно-концептуального анализа [Н. И. Толстой, 1972, 1995, 1997; В. В. Колесов, 1986, 2002; Г. М. Яворская, 1992; Е. С. Яковлева, 1994, 1998; Ю. М. Лотман, 1997; И. И. Макеева, 1999; Т. И. Вендина, 2002; В. В. Жданова, 2004; И. И. Макеева, Е. В. Рахилина, 2004 и др.].

В сибирской русистике крайне важны работы, описывающие широкий по территориальному охвату лексический материал и представляющие собой

обобщающие комплексные исследования в различных областях исторического языкознания: В. В. Палагиной [1973] (проблема реконструкции исходного состояния вторичного говора, И. А. Воробьёвой [1977] (формирование топонимической системы Западной Сибири); Л. Г. Панина [1985, 1995] (лексика западносибирской деловой письменности XVII – первой половины XVIII вв.; лингвистическая текстология памятников церковнославянского языка); Л. И. Шелеповой [1994, 1998, 2000] (диалектное источниковедение и этимология лексики сибирских говоров); О. В. Фельде (Борхвальдт) [2000] (терминоведение), О. В. Бараковой [2004] (концептосфера, субтекстовый состав деловой письменности XVII в.); Л. М. Городиловой [2004] (деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в.); А. П. Майорова [2006] (лексика региональной (восточносибирской) деловой письменности XVIII в.); Е. В. Перехвальской [2006] (формирование и история дальневосточного варианта сибирского пиджина в XVIII–XX вв.); О. Г. Щитовой [2008] (неисконная лексика в русских говорах Среднего Приобья XVII в.).

В третьем параграфе «Понятие пространства в текстах, отражающих языковое сознание XVII–XVIII вв.» отмечается трудность задачи исчерпывающего описания *категории пространства* вследствие её глобальности и неограниченности реализованных в языке семантических модификаций «пространственного» восприятия разнообразных явлений действительности. *Пространство*, представляющее собой «концептуализированную предметную область» [В. Н. Топоров, 1983; Е. С. Яковлева, 1994; В. Г. Гак, 2000; Е. С. Кубрякова, 2000], в диссертационной работе понимается как физическое, двухмерное, обыденно-бытовое, конституируемое объектами, воспринимаемое через вещи, его заполняющие, одушевляемое человеческим присутствием, архаическое, то есть предполагающее его определение как пространственно-временного континуума. Кроме «пересечения» категории пространства с категорией времени, учитывается её связь с категорией «свой / чужой», переводящая категорию пространства в сферу социальных отношений. Понятия пространства и *места* в силу их неравноценности и различий в способах их языковой объективации принято различать в философии, логике и лингвистике. При диахроническом рассмотрении этих понятий в языковом сознании человека первичным представляется понятие места.

Четвёртый параграф «Замечания о изучении системности лексики» содержит изложение сложившейся в европейской и русской лингвистике традиции понимания системности лексики: системный характер лексики до-

казан и продолжает изучаться как на уровне семантической структуры слова (семантемы), структуры лексического значения (семемы), так и на уровне структурирования лексики языка (диалекта, текста и т. д.). Семантическое своеобразие отдельного слова (микросемантический уровень) рассматривается на фоне массива ЛЕ (макросемантический уровень), выражающих большие пространства смыслов – лексико-семантические, тематические, эпидигматические и др. лексические группы, ассоциативные, семантические поля [Ю. Н. Караулов, 1976; П. Н. Денисов, 1980; О. А. Корнилов, 1999; Е. Л. Березович, 2004]. В реферируемой работе для обозначения синонимических, антонимических, конверсивных, гиперо-гипонимических отношений семем в лексико-семантической системе используется термин *семантическая парадигма* (СП), понимаемая, таким образом, как совокупность смыслов, выраженных в различных лексических рядах. Термин *лексико-семантическая парадигма* (ЛСП) использован в работе для обозначения плана выражения СП.

В пятом параграфе «Семантическое поле и когнитивное исследование лексики» освещается становление теории и методики полевого анализа лексики в русистике. *Семантическое поле* рассмотрено в работе как важнейший элемент, лежащий в основе языковой картины мира и выражающий её (труды Ю. Д. Апресяна, А. В. Бондарко, Е. Л. Березович, В. В. Бескровной, Л. М. Васильева, М. В. Всеволодовой, А. Е. Гусевой, Ю. Н. Караулова, С. В. Кезиной, Е. А. Нефёдовой, Е. В. Падучевой, Е. А. Шенделева (Юриной) и др.). *Семантическое поле* – это многослойная сферически организованная структура, состоящая из ядерной и ряда периферийных зон, содержанием которых являются значения ЛЕ и системные отношения, ими создаваемые (семемы и семантические парадигмы).

В теории поля признаки и свойства семантического поля досконально изучены (целостность структуры поля, характеризующаяся связями слов или отдельных значений (с преобладанием иерархических и парадигматических отношений); системный характер этих связей, свойственных той системе, в которую входит данное поле; взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц; относительная автономность поля; обозримость и психологическая реальность для носителя языка) [Ю. Н. Караулов, 1981; З. Д. Попова, 1989; Языкознание: большой энцикл. сл., 1998; С. Г. Шафиков, 2000; И. Я. Пак, 2006]. В методологии полевого анализа диалектическое единство свойств семантического поля проявляется в проблематичности определения границ поля, границ между ядром и периферией, в сложности соблюдения

критериев (частотность и смысловая значимость) выявления ядерной лексики, дифференциации лексики ближней и дальней периферии [Г. С. Шур, 1970; Ю. Н. Караулов, 1976; С. Г. Шафиков, 2000 и др.].

В шестом параграфе «Концептуализация пространства и языковая пространственная картина мира» освещены краеугольные понятия когнитивистики, используемые в работе: концептуализация, картина мира, языковая картина мира, языковая концептуализация пространства, а также понятие о их атрибутах, компонентах, структуре, возникновении, функционировании и развитии. *Картина мира* понимается как ментальное образование, целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека. Для картины мира характерно ценностно ориентированное знание, содержащее представление о социально полезном, идеальном, должном, в отличие от понятия «*отражение*», которое коррелирует с понятием картины мира [Роль человеческого фактора в языке, 1988; А. Я. Гуревич, 1999].

С понятием картины мира связано понятие *концептуализации* как понятийной классификации, одного из важнейших процессов познавательной деятельности человека, как упорядочивание представления о разнообразных явлениях этого мира через сведение их к меньшему числу разрядов [В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, 1996; С. Г. Шафиков, 2000]. Концептуализация связана с концептуальной и языковой семантикой, поскольку познавательный процесс – это порождение и трансформация смыслов. Так как естественный язык занимает примарную позицию в этом процессе среди всех возможных семиологических воплощений [И. И. Макеева, 2000; Д. Ю. Полинченко, 2004], под *языковой концептуализацией пространства* в реферируемой работе понимается формирование языковой пространственной картины мира [Ю. Д. Апресян, 1995; Анна А. Зализняк, Левонтина, 1996; А. Д. Шмелев, 2002; Аркадьев, 2008].

Важнейшими *атрибутами пространственной картины мира*, как и картины мира в целом, являются её антропоморфичность, космологичность, достоверность для субъекта этой картины, стабильность, устойчивость и в то же время динамичность. Её *компонентами* являются представления о объектах, их местоположении, протяжённости, движении и перемещении как объектов, так и самого субъекта мироздания; это могут быть более абстрактные представления о направлении, расстоянии, координатах, измерении, единицах измерения и т. п. [Ю. М. Лотман 1994; Е. С. Яковлева, 1994; Ю. Д. Апре-

сян, 1995; Н. Б. Мечковская, 1997, 2004; Е. В. Рахилина, 1998; В. Г. Гак, 2000; Е. С. Кубрякова, 2000; А. Б. Пеньковский, 2004; А. Николова, 2009; и др.). Языковой объективацией пространственной картины мира является *лексика с семантикой пространства (пространственная лексика)* – это ЛЕ, обозначающие место, вместилище, занимающие определённое место или имеющие протяжённость объекты, расстояние, перемещение, передвижение, направление. Непространственная лексика в реферируемом сочинении также становится объектом оперирования, если она эксплицирует взаимообусловленность категории пространства и других семантических категорий (темпоральности, свойственности, духовности), как в работах Г. М. Яворской [2004]; Л. Г. Гынгазовой [2007]; Р. Н. Порядиной [2007]; Т. В. Веревкиной [2009]; Г. Ж. Азанбаевой [2009]; Г. Н. Стариковой [2011] и др.

В седьмом параграфе «Изучение диахронической семантики лексических единиц в когнитивном аспекте» отмечается наметившийся интерес к когнитивной интерпретации результатов историко-лексикологических и историко-диалектологических исследований: языковые концепты изучаются в диахронии русского языка [В. В. Колесов, 1986; И. И. Макеева, 1999, 2000; С. А. Толстик, 2004], язык объясняется как манифестация смысла [В. Б. Крысько, 2007; Д. И. Хизбуллина, 2012], лингвистические основы миромоделирования выясняются на примере национальных картин мира [Т. В. Цивьян, 1990, 1999, 2006; С. М. Толстая, 2002], понятия пространства и времени – в фольклорно-языковой картине мира [В. А. Черванева, Е. Б. Артеменко, 2004], определяется концептосфера текстов определённых жанров деловой письменности XVII в. [О. В. Баракова, 2004], присущая средневековому человеку языковая картина мира характеризуется сквозь призму словообразования [Т. И. Вендина, 1998, 2002]. Ряд исследований по лингвокогнитивистике выполнен на диалектном, в том числе сибирском, материале [Е. Л. Березович, М. Э. Рут 2000; Е. Л. Березович, 2004; Е. А. Шенделева (Юрина), 2000; С. М. Белякова, 2005; Л. Г. Гынгазова, 2007; Р. Н. Порядина, 2007; Е. А. Забродкина, 2008; Е. А. Нефёдова, 2008; Г. В. Калиткина, 2010 и др.].

Когнитивная семантика, занимающаяся в первую очередь лексической семантикой [Р. В. Лангакер (Лэнкер), 1987, 1990; Дж. Лакофф, 1993], как продуктивно развивающееся направление когнитивизма в отечественной лингвистике при проведении исследований на диахроническом языковом материале сталкивается со спецификой и трудоёмкостью дефиниции значений лексических единиц в диахронии [В. В. Виноградов, 1977]. Автор рефери-

руемой работы присоединяется к мнению о том, что наиболее объективные, с научной точки зрения, результаты дает анализ словника одного памятника или совокупности родственных и близких по времени создания памятников [Н. И. Толстой, 1997].

Во второй главе «Концептуализация пространства в лексике Сибирских летописей XVII–XVIII вв.» первый параграф «Методика реконструкции семантического поля на основании анализа памятников письменности XVII–XVIII вв.» содержит описание разработанной в диссертации методики реконструкции семантического поля.

1) Реконструкция семантического поля начинается с контекстного анализа ЛЕ в отобранных для исследования памятниках письменности, с помощью которого определяется синтагматическое и парадигматическое структурное значение ЛЕ.

2) Решаются ключевые вопросы полевого анализа: выявление признаков, релевантных для определенного семантического поля в диахронии, границ поля и границ его ядра и периферии.

- Семантическим центром поля является *понятие*, обычно выражаемое именем поля – ЛЕ.

- Поскольку семантическая парадигма понимается в работе как совокупность смыслов, выраженных в различных лексических рядах, то семантическое поле конструируется ядерными и периферийными СП.

- СП определяется в качестве ядерной или периферийной на основании следующего:

а) семемы лексических репрезентантов такой парадигмы по набору семантических признаков наиболее близки либо значению имени поля (для ядерной семантической парадигмы), либо значению ключевого слова (слов) определенной периферийной сферы (для периферийной СП);

б) в ходе анализа учитывается количество фиксаций ЛЕ в исследуемом тексте или группе текстов, поскольку это свидетельствует о степени семантического тяготения ЛЕ к ядру поля или о значительном семантическом расстоянии от него.

3) Структура семантического поля представляется сложно устроенной. Её формируют несколько *семантических сфер*, выделяемых на основании анализа и систематизации всех описываемых лексических значений. Семантические сферы отражают характерные, но разные стороны объекта анализа

(пространство статическое, динамическое, физическое, социальное). Кроме этого, семантическое поле реконструируется как иерархия СП.

4. Определение конфигурации семантического поля – итог логического анализа отношений между семантическими сферами и СП, эксплицированными ЛЕ и ЛСП в анализируемых текстах.

Результаты реконструкции семантических полей пространства, проведённой на материале западносибирских летописных, фольклорных текстов, памятников томской деловой письменности XVII–XVIII вв., представлены в работе, в том числе в обобщенном виде – в таблицах. С их помощью в исследовании отражена иерархическая структура реконструированного на основе анализа определённого текста семантического поля пространства, зафиксирована лексическая экспликация каждой семантической парадигмы, каждой семантической сферы данного поля (см. табл. 1).

Во втором параграфе «**Сибирские летописи как источник исследования пространственной картины мира**» констатируется, что в качестве объекта лингвистики сибирские летописи изучены в меньшей степени, нежели в качестве исторического источника и объекта литературоведческого анализа. Ряд текстов исследован в текстологическом отношении [Е. И. Дергачёва-Скоп, 2000, Е. К. Ромодановская, 2002] и как источник лексикографирования [Л. Г. Панин, 1991, 2006], описан лексический состав летописей [О. Г. Порохова, 1952] и ряд грамматических особенностей [Н. М. Сабельфельд, 2004, 2006, 2008]. В реферируемой работе язык летописей традиционно рассматривается в качестве составляющего центр народно-литературного типа языка.

Источником реконструкции языковой концептуализации пространства Сибири в работе избрана Есиповская летопись основной редакции (XVII в.), «наиболее авторитетное сочинение на сибирскую тему»⁴, защищённое авторитетом и канонами «книжной школы», имеющее официальный для данного исторического момента характер текста. Выборка из текста Есиповской летописи составила 663 ЛЕ, количество фиксаций которых в данном тексте – 3593 употребления ЛЕ.

В третьем параграфе «**Семантическое поле пространства в текстах Сибирских летописей как одном из «культурно-языковых проявлений» в Западной Сибири XVII–XVIII вв.**» осуществлена реконструкция семан-

⁴ Дергачева-Скоп Е. И. «История Сибирская» (Повествовательное пространство и повествовательная достоверность) / Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев // Τέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики). – Новосибирск, 2004. – Вып. 1. – С. 77.

тического поля сибирского пространства на материале текста Есиповской летописи. Определено, что ядро семантического поля сформировано СП 'Пространство – Сибирь', репрезентированной 144-мя ЛЕ (620 употреблений ЛЕ). *Сибирь*, «своя» территория, которую обрело Московское царство, сравнивается со всеми его землями (не с отдельными областями), она противопоставляется *России* как далёкая, недостаточно освоенная, но уже не «чужая» страна (ср.: *Римская страна, Казачья орда, Бухара*): *В лето от сотворения 7088, в державе благочестиваго государя и великого князя Иоанна Васильевича, всея России самодержца, како покори бог под руку царьскую царство Сибирское. Первая половина XVII в. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 78]⁵; Сия убо Сибирская страна полунощ[ная] отстоит же от России царствующаго града Москвы многое расстояние... 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 43]; ...царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси посла в свою державу в Сибирь воевод своих... 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 60].*

Наиболее близкой к ядру поля является семантическая сфера I «Русь, Московское царство», обладающая самой сложной структурой, состоящей из шести семантических парадигм, моделирующих пространственную картину мира, выражающую в качестве главной идеи представление о пространстве как едином централизованном государстве: *царство, государство, страна, держава Русь, Россия, Российское царство, Московское царство, Москва*.

Особенностью лексического выражения семантического поля пространства, в частности, ядерной СП и СП, структурирующих семантическую сферу I «Русь, Московское царство», является большое количество имён собственных, значения которых отождествляют их с теми же денотатами, которые обозначены и нарицательными именами. В ряде СП ('Пространство – Сибирь', 'Царство-государство – его территории') оными количественно преобладают или представлены в количестве, примерно равном количеству апеллятивов (семантическая парадигма 'Царство-государство – чужие территории' и др.). Проприальные ЛЕ образуют омонимические ЛСП (город *Сибирь* и край *Сибирь*), полионимические (ономастической синонимии) ЛСП (*Сибирь* 'территория' (47)⁶ – *Сибирское царство* (22) – *Сибирская земля* (19) – *Сибирская страна* (8) – *Сибирское государство* (3); *Томской* (5) – *Томской город* (4); *Верхотурье* (8) – *Верхотурский город* (2) и под.).

⁵ Сиб. л. ПСРЛ - Полное собрание русских летописей / отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – Т. 36 : Сибирские летописи, ч. 1 : Груши Есиповской летописи. – 381 с.

⁶ В круглых скобках указано количество словоупотреблений анализируемой ЛЕ в исследуемом тексте.

Таблица 1. Данные о структуре и лексической репрезентации семантического поля пространства в текстах Есиповской летописи

Структура поля	Семантические парадигмы и лексические единицы, эксплицирующие их	Кол-во ЛЕ и слово употр
Ядро поля	СП 'Пространство – Сибирь' ЛЕ: <i>Сибирь</i> 'территория' (47), <i>Сибирь</i> 'город' (15), <i>Сибирская земля</i> (19), <i>Сибирское царство</i> (22), <i>Сибирская страна</i> (8), <i>Сибирское государство</i> (3) и др.; <i>Тобальск</i> (22), <i>Томень</i> (16), <i>Томенской город</i> (5), <i>Березов</i> (10), <i>Кузнецкий острог</i> (7), <i>Тамской</i> (5), <i>Тамской город</i> (4), <i>Кетской острог</i> (2), <i>Пельымь</i> (3), <i>Тара</i> (4), <i>Туринский острог</i> (9), <i>Верхотурье</i> (8), <i>Верхотурский город</i> (2), <i>Маковский острог</i> (4), <i>Нарым</i> (3), <i>Нарымский острог</i> (1), <i>Сургут</i> (3), <i>Чювашев(о)</i> (5) и др.; <i>Енисейский острог</i> (11), <i>Илимский острог</i> (4), <i>Красноярский острог</i> (9), <i>Туруханский острог</i> (2), <i>Мангазья</i> (4), <i>Ангарский острог</i> (1), <i>Братский острожок</i> (2), <i>Удинский острог</i> (4), <i>Канский острог</i> (2); <i>Верхотенский острог</i> (2), <i>Ленский город</i> (2), <i>Якутский острог</i> (2); <i>Назимской городок</i> (1), <i>Булугацкий улус</i> (1), <i>Ойланский улус</i> (1), <i>Атбач</i> (1), <i>Ябалак</i> (1), <i>Чингиден</i> (1) и др.; <i>Байкал</i> (7), <i>Телееское озеро</i> (1), <i>Юлымское озеро</i> (1); <i>Иртыш</i> (40), <i>Обь</i> (27), <i>Тура</i> (24), <i>Тобол</i> (15), <i>Вазай</i> (8), <i>Тавда</i> (7), <i>Тагил</i> (6), <i>Кеть</i> (6), <i>Ница</i> (5), <i>Чусовая</i> (5), <i>Ишим</i> (3), <i>Томь</i> (4), <i>Бия</i> (1), <i>Катунь</i> (1), <i>Ушайка</i> (1), <i>Чулым</i> (2), <i>Тара</i> (1), <i>Серебряная</i> (2), <i>Бобасан</i> (1); <i>Енисей</i> (10), <i>Ангара</i> (2), <i>Нижняя Ангара</i> (1), <i>Бирюса</i> (2), <i>Илим</i> (4), <i>Тунгуска</i> (10); <i>Селенга</i> (3); <i>Кальма</i> (1); <i>Оленёк</i> (1); <i>Лена</i> (13), <i>Алдан</i> (3), <i>Витим</i> (1), <i>Вилуй</i> (1); <i>Амур</i> (4), <i>Шилка</i> (2), <i>Шинган</i> (2), <i>Зия</i> (2) и др. <i>Камень 'Урал'</i> (10), <i>Самаровы горы</i> (3), <i>Чювашева гора</i> (1), <i>Калмыцкая степь</i> (1), <i>Княж луз</i> (1), <i>Саускан</i> (3).	144 ЛЕ 620
Влияния периферия I «Русь Моковское царство»	СП 'Пространство – царство-государство' ЛЕ: <i>царство</i> (11), <i>государство</i> (8), <i>страна</i> 'государство' (7), <i>держава</i> 'государство' (3), <i>отчество</i> (1), <i>отчина</i> (1), <i>область</i> (1); <i>Русь</i> (10), <i>русский</i> (12), <i>Русия</i> (6); <i>Россия</i> (4), <i>Российское царство</i> (1), <i>российский</i> (1), <i>Москва</i> (28).	14 ЛЕ 94
1.1 дальняя периферия	СП 'Царство-государство – его территории' ЛЕ: <i>Волга</i> (10), <i>Дон</i> (9), <i>Кама</i> (6), <i>Уфа</i> (1).	4 ЛЕ 26
1.2 дальняя периферия	СП 'Царство-государство – чужие территории' ЛЕ: <i>казачья орда</i> 'земля киргиз-кайсаков' (7), <i>Бухар(а)</i> (3), <i>Бухарская земля</i> (4), <i>Калмаки</i> (1), <i>Калмыцкая земля</i> (1), <i>Ногаи</i> (1); <i>Римская страна</i> (2), <i>Италия</i> (2), <i>Китайское государство</i> (2), <i>Троишской град</i> (1), <i>река Командра</i> (1); <i>орда</i> (2), <i>кизылбашский</i> (3), <i>бесерменский</i> (1), <i>латынский</i> (1), <i>казанский</i> (1).	17ЛЕ 34
1.3 дальняя периферия	СП 'Царство-государство – власть' ЛЕ: <i>царь</i> (32), <i>государь</i> (26), <i>самодержец</i> (5), <i>государев</i> (11); <i>Иван Васильевич</i> (12), <i>Федор Иванович</i> (8), <i>Михаил Федорович</i> (1); <i>власть</i> (2), <i>держава</i> 'власть' (2), <i>область</i> (1), <i>престол</i> (1); <i>царствовать</i> (1), <i>царский</i> (1), <i>княжить</i> (1), <i>владеть</i> (1), <i>подвести</i> (5), <i>покорить</i> (6), <i>смирить</i> (1), <i>творить подручным</i> (1), <i>привести к шерти</i> (3), <i>шертование</i> (2), <i>пожаловать</i> (8), <i>послужить</i> (2), <i>служба</i> (3), <i>ясак</i> (2), <i>дань</i> (1) и др.	34 ЛЕ 152
1.4 дальняя периферия	СП 'Царство-государство – вера' ЛЕ: <i>бог</i> (22), <i>вера</i> (12), <i>православный</i> , прил. (9), <i>православный</i> , сущ. (1), <i>православие</i> (2), <i>христианин</i> (9), <i>господь</i> (4), <i>благочестивый</i> (2); <i>закон</i> (10), <i>церковь</i> (9), <i>монастырь</i> (1), <i>патриарх</i> (1), <i>грамота</i> (7) и др.; <i>кумир</i> (6), <i>кумиропоклонание</i> (1), <i>беззаконие</i> (1), <i>неверие</i> (1); <i>жрети</i> (2); <i>поганый сущ.</i> (30), <i>нечестивый</i> , прил. (6), <i>нечестивый</i> , сущ. (5), <i>бусурмени</i> (3), <i>бусурманский</i> (2), <i>окаянный</i> (2), <i>неверный</i> , сущ. (1), <i>идолопоклонник</i> (1) и др.	35 ЛЕ 161

Продолжение таблицы 1		
1.5 дальняя пери- ферия	СП 'Царство-государство – человек, герой' ЛЕ: <i>Ермак</i> (62), <i>казак</i> (61), <i>воевода</i> (43), <i>атаман</i> (17), <i>Иван Кольцо</i> (4), <i>воишские люди</i> (19), <i>воин</i> (2), <i>дружина</i> (4), <i>войско</i> (2), <i>посол</i> (7), <i>служилые люди</i> (5) и др.; <i>ясачные люди</i> (13), <i>крестьянин</i> (8), <i>посадские люди</i> (1), <i>дети боярские</i> (2), <i>сосед</i> (1), <i>кочевные люди</i> (3), <i>скотные люди</i> (2), <i>оленные люди</i> (3); <i>Строганов</i> (4), <i>Иван Мансуров</i> (2), <i>Василий Масальский Рубец</i> (1), <i>Иван Глухов</i> (2) и др.	27 ЛЕ 74
1.6 дальняя пери- ферия	СП 'Царство-государство – чужой человек' ЛЕ: <i>Кучум</i> (68), <i>царь</i> (65), <i>Чынгис</i> (4), <i>Маметкуя</i> (2), <i>князь</i> (4), <i>царевич</i> (3) и др.; <i>язык 'народ'</i> (9), <i>татароя</i> , мн. (36), <i>татарин</i> (6), <i>остяки</i> (18), <i>остяцкий</i> (5), <i>туңгусы</i> (12), <i>бухарцы</i> (11), <i>вогуличи</i> (5), <i>калмыцкие люди</i> (2), <i>пегая орда</i> (2), <i>братья</i> (3), <i>якуты</i> (2), <i>мугалы</i> (2), <i>нагаи</i> (1), <i>самаядь</i> , ж., <i>собр.</i> (5) и др.	27 ЛЕ 277

Решение проблемы значимости (вслед за Ф. де Соссюром) имён собственных в семантическом поле, сформированном значениями лексических единиц разной структуры, разной грамматической принадлежности, а также как нарицательных, так и собственных имен, видится в следующем:

- собственные имена, обладая специфическим (референтным) типом значения, являются полноправными репрезентантами семантических отношений наряду с именами нарицательными и отмечены как в ядерной, так и в периферийных сферах реконструируемого семантического поля;
- имена собственные, употребляясь рядом с нарицательными в атрибутивных, номинативных детерминативных синтагмах, не вступают в парадигматические отношения с аппеллятивами; они образуют в структуре СП семантического поля свои замкнутые ономастические ряды (омонимические, полионимические), каждый член которых связан с другими рядом параметров: территория, время, тема, разновидность объекта и т. п.;
- они могут репрезентировать СП как ближней, так и дальней периферии; примером является реконструированная в работе СП 'Пространство – Сибирь'.

В масштабном летописном произведении пространство Сибири находится в центре внимания и характеризуется с точки зрения:

- административно-политической – как относящееся к России, то есть находящееся под властью российского царя, но настолько большое и далёкое, что оно представляется отдельной страной (СП 'Пространство – царство-государство'; ('Царство-государство – его территории'; 'Царство-государство – чужие территории'; 'Царство-государство – власть');
- культурно-религиозной – как земли, на которых поставлены города и храмы и восторжествовала истинная вера ('Царство-государство – вера');

- этнической – как место, заселённое разными народами ('Царство-государство – чужой человек');
- географической – как территория, лежащая далеко на востоке ('Пространство – место, сторона');
- прагматической – как место, удобное для оседлой жизни, для различных промыслов ('Место, сторона – жить');
- военной – как территория, которую нужно «взять», покорить ('Пространство – путь'; 'Путь – идти, пойти'; 'Путь – бой').

Это представление о пространстве конкретизируется в семантике ЛЕ, формирующей три семантические сферы: I «Русь, Московское царство», II «Физическое пространство, простор» и III «Перемещение в пространстве». Ниже представлен фрагмент таблицы «Данные о структуре и лексической репрезентации семантического поля пространства в текстах Есиповской летописи» (см. табл. 1).

Лексическая семантика, структурирующая семантическую сферу II «Физическое пространство, простор», в летописном тексте отражает:

- общее представление о сибирском пространстве, о его координатах, измерении (СП 'Пространство – место, сторона': *место* (29), *земля* (20), *пространство* (1), *сторона* (34), *левый* (20), *полуденный* (3), *восточный* (1), *север* (2) и др.: *Царствующаго града Москвы на восточную страну есть царство, рекомое Сибирское...* 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73]; *Есть де отсюда не в далном разстоянии рекомое царство Сибирское...* 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73]; *А от Маковского острогу до Енисейского острогу волок сухим путем семидесят верст.* XVII в. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 77]);
- точные сведения о конкретных территориях, о сибирском ландшафте (СП 'Место, сторона – география территории': *река* (223), *озеро* (10), *пролив* (1), *устье* (17), *волок* (7), *порог* (1), *брод* (2), *поле* (3), *луг* (1), *лес* (3), *гора* (7), *урочище* (2) и др.: *А город Тюмень стоит на высоком месте на красном, а с одну сторону прилегла степь в Колмаки и на Уфу.* XVII в. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 75]; *Сия же великая река Обь вниде своим устьем в губу Мангазейскую.* 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 45]; *Подлинное аписание Сибирского государства городом и островом, и рекам, которая река ис которых мест (...) и которые реки своими устьи впали в море...* XVII в. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 76]; *А по Енисее реке горы каменные великие и высокие, и меж камени степи пролегли гладкие.* XVII в. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 76] и др.);

- оценку этих мест с точки зрения их пригодности для созидательного освоения русскими людьми (СП 'Место, сторона – жить': *жить* (39), *сесть* (5), *водвориться* (1), *озиметь* (1), *родиться* (11), *пахать* (1), *жатва* (1), *пашенное место* (8), *торг* (4) и др.: *А по тем рекам живут государевы пашенные крестьяня Верхотурского и Япончинского уезду. XVII в.* [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 75]; *...и по которым рекам стоят государевы города и остроги...* XVII в. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 75]; *Поставиша ж град Тюмень, иже прежде бысть град Чингий, и поставиша дома себе, воздвигоша же церкви в прибежище себе и прочим православным христианом. 1649 г.* [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 65]).

Семантическая сфера III «Перемещение в пространстве» реконструированного семантического поля в основном выражена значениями глагольных лексем и отглагольных имён существительных (СП 'Пространство – путь'; 'Путь – идти, пойти (перемещение субъектов)'; 'Путь – послать (перемещение объектов)': *пришествие* (23), *ход* (12), *идти* (26), *прийти* (57), *дойти* (35), *ходить* (4), *приходить* (3), *кочевать* (5), *побежать* (11), *разбежаться* (3), *утечь* (4), *ехать* (2), *приезд* (4), *плыть* (9), *доплыть* (3), *послать* (34), *послание* (6), *присылка* (3) и др.: *И идоша до реки до Камы, и Камою вверх дошли до Чюсовой...* 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73]; *Приидоша во град [Сибирь] Ермак с товариши в лето 7089 году...* 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 56]; *...казаки побегоша, град же остави[ша] пуст.* 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 64]; *...послан с Москвы ево государев воевода Данило Чюлков...* 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 66]; *По Волге же от них вверх побегоша шестсот человек по присылке Максима Строганова...* 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73]).

СП 'Путь – бой', формируя дальнюю периферию семантического поля, выражает важную сторону покорения сибирского пространства, о чём свидетельствует количество ЛЕ (100), эксплицирующих эту СП. Оно сопоставимо с количеством ЛЕ (144), значения которых выражают ядерную СП 'Пространство – Сибирь'. Наиболее актуальными (88 ЛЕ из 100) являются обозначение боя и военных действия как таковых, отражение активных, наступательных действий русских казаков и воинов и особенно – выражение победы над сопротивляющимся врагом, то есть *взятие Сибири* (*бой* (8), *брань* (4), *биться* (3), *громить* (6), *повоевать* (2), *побить* (20), *убить* (9), *убиение* (12), *напасть* (7), *погнать* (4), *победить* (12), *победа* (6), *взять* (17), *взятие* (15), *одолеть* (1) и др.: *Во второе же лето по си[би]рском взятии храбровашу*

Ермаку [с] своєю дружиною и обнажиша мечи своя на нечестивыя... 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 71]; ...како они приидоша в Сибирь и где с погаными были бои... 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 70]; Казаки ж (...) биюшеса с погаными крепце. 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 62]; Состави же брань с Карачею и улус его взяша (...) и побиша поганых множество... 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 52]).

Особенностью лексической экспликации представления о пространстве является непространственная лексика, обозначающая понятия власти, веры, лица, языка и пр. Семантика таких ЛЕ формирует дальнюю периферию семантического поля пространства в летописных текстах (СП 'Царство-государство – власть'; 'Царство-государство – вера'; 'Царство-государство – человек, герой'; 'Царство-государство – чужой человек'; 'Место, сторона – жить'; 'Путь – бой') и выражает важнейшие признаки этого пространства:

- персонификация власти, когда имя владыки государства соотнесено с именем всего государства, имя героя (*Ермака*, например) – с «взятием Сибири»: *...в державе благочестиваго государя и великого князя Иоанна Васильевича, всея России самодержца, како покори бог под руку царьскую царьство Сибирское. Первая половина XVII в. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 78]; ...царь Кучюм М[у]ртазеев сын (...) доиде до града Сибири, и град взя (...) и прозвася сибирский царь. 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 48];*
- представление о вере (в частности, о православной христианской религии) как законе, объединяющем пространство: *...множество православных разсеяшася по лицу всея Сибирския // земли. 1649 г. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 69]; А служилые и ясачные люди около Тюменского города татаровя (...) а грамота у них по Мааметову ж закону (...) И по тем рекам живут вогуличи Верхотурского и Пельымского уезду, а грамоты у них и веры нет... XVII в. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 75–76];*
- население, его этническая принадлежность и язык – необходимая, хотя и периферийная характеристика места: *А около Красноярского острогу ясашных людей татар много, люди кочевные, и сыти живут скотом и зверьми. XVII в. [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 76].*

Таким образом, семантика этих ЛЕ отражает принципиально важную характеристику Сибири как «своего» пространства, принадлежащего Московскому царству, единого с ним.

Отношения синонимии, проприальной полионимии, антонимии, гипе-ро-гипонимические, отношения конверсии и формируемые ими ЛСП струк-

турируют СП всего анализируемого поля пространства и являются языковым отражением интереса к пространственным объектам, привлекающим общественное внимание. Как показывает наше исследование, объект *Сибирь* находится в центре такого общественного и даже государственного интереса в рассмотренных текстах Сибирских летописей.

Лексико-словообразовательные связи и отношения также важны в языковой объективации СП поля пространства и особенно активны при структурировании СП, лексической репрезентацией которых выступают глаголы и устойчивые глагольные словосочетания (СП 'Место, сторона – жить'; 'Путь – идти, пойти'; 'Путь – послать'; 'Путь – бой': *жить, иметь жительство, житие; ночевать, обночевать; стоять, стать, остаться; плыть, поплыть, приплыть, доплыть, отплыть* и др.).

Специфичность ряда СП семантического поля пространства в тексте Есиповской летописи состоит в том, что они сформированы семемами, содержащими, кроме понятийного компонента, набор коннотативных сем. Эклипсацию такая особенность лексического значения находит в синтактике соответствующих ЛЕ и в их парадигматике, наиболее ярко проявляясь в антонимических (*благочестивый* ↔ *злочестивый* (прил.); *православный* ↔ *заблудящий*) и синонимических рядах (*православный* (прил.) – *благочестивый* – *христолюбивый; поганый* – *бусорманин* – *идолопоклонник* – *сопостат* – *сырордец* – *нечестивый* (сущ.) – *неверный* (сущ.) и под.), структурирующих периферийные СП 'Царство-государство – человек, герой'; 'Царство-государство – чужой человек'; 'Царство-государство – вера'; 'Путь – бой'. Положительная оценка выражена ЛЕ, несущими семантику «свойственности», а неодобрительная оценка, негативная эмоциональность и экспрессия – ЛЕ, репрезентирующими семантику «чуждости».

Реконструированное семантическое поле пространства, сформированное семантикой ЛЕ, их семантическими и лексико-словообразовательными отношениями в текстах Есиповской летописи, объяснено как языковое воплощение представления русских людей о пространстве Сибири в XVII–XVIII вв. В языковом отражении Сибирских летописей пространство Сибири представляется большой территорией, характерные особенности которой раскрываются в процессе её постепенного познания, покорения и освоения, то есть в процессе активной преобразующей деятельности человека.

В третьей главе «Концептуализация пространства в лексике текстов Сборника Кириши Данилова» представление о пространстве и особен-

ности его выражения в семантике ЛЕ русского языка Западной Сибири в период XVII–XVIII веков охарактеризованы на фольклорном материале.

Первый параграф «Семантика пространства и её выражение в языке фольклора» посвящён обоснованию того, что фольклорные тексты, записанные в Юго-Западной Сибири во второй половине XVIII в., использованы в качестве источника реконструкции пространственной картины мира, запечатлённой средствами устного народного творчества того времени – одной из самостоятельных подсистем русского языка Западной Сибири XVII–XVIII вв., имеющей региональный характер. Выборка ЛЕ из текстов «сибирских» исторических песен в Сборнике Кирши Данилова составила 372 ЛЕ, зафиксированные в 1154 словоупотреблениях.

Второй параграф «Семантическое поле пространства в текстах Сборника Кирши Данилова как одном из «культурно-языковых проявлений» в Западной Сибири XVII–XVIII вв.». Ядро семантического поля пространства в текстах фольклорного источника, посвящённых подвигу Ермака и «взятию» Сибири, выражено понятием «путь» и структурируется СП 'Пространство – путь', то есть «присвоение» пространства – идея формирования пространственной картины мира, с антропоцентрической точки зрения, – представлено таким образом. Пространство – это место, которое определяется движением, возможностью перемещения (ЛЕ *путь* (5), *дорога* (2), *поход* (5), *переход* (1) и др.), характеризуется протяжённостью, наличием пути по этому месту, через это место (*река* (33), *море* (14) и др.), понимается в типичном для эпического фольклора смысле как путь, перемещение героя: ...*туть оне княска полонили/ небольшева дабы показаль имь тут по тоболь ректь...* [КД⁷, с. 344]; ...*та зима проходит весна настает где ермаку/ путя искать путя ему искать по серебрянной/ реке...* [КД, л. 22, с. 344]. *Походь селенгинскимь казакамь.* [КД, с. 429]; ...*по тагиль ректь а и выплыли на туру реку/ и поплыли по той туре реке въ епанчу реку...* [КД, с. 344].

Ближняя периферия поля представлена, прежде всего, семантической сферой I «Перемещение в пространстве», семантическими сферами II «Русь, Московское царство» и III «Физическое пространство, простор». Ядро, а также иерархия семантических сфер отличает структуру семантического поля пространства в текстах Сборника Кирши Данилова от структуры семантического поля пространства в текстах Есиповской летописи.

⁷ КД – Сборник Кирши Данилова (Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / отв. ред. Д. С. Лихачев. – М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – 662 с.).

Характерной особенностью лексической репрезентации СП ближней периферии I «Перемещение в пространстве» является по преимуществу глагольная их репрезентация: 'Путь – идти, пойти' и 'Путь – везти' – 94,6 % ЛЕ; 'Путь – драка, бой' – 86 %; 'Место, сторона – жить' – 62,5 % (...*пошли вверх/ по чюсовой рекъ...* [КД, с. 343]; ...*по серебрянной пошли до жаравля дошли* [КД, с. 344]; ...*выходили молодцы оне / на славну амуру реку / с неводочками шелковыми...* [КД, с. 443]; ...*а и вывезите менъ казаки к силну царству московскому...* [КД, с. 341]; ...*понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ сибирскиехъ и принималъ ермакъ у нихъ неотсылаючи...* [КД, с. 345]).

Семантика ЛЕ, эксплицирующих семантическую сферу II «Русь, Московское царство» в фольклорных текстах, отражает понимание пространства как державы, «царства-государства». Московское царство представляется единой территорией, описанной точно и достоверно, как это свойственно жанру исторической песни. Сибирь, её административная и физическая география также отражены предельно конкретно в исследуемых текстах:

- Сибирь обозначена в текстах Сборника Кириши Данилова как пространство;
- она определена как продолжение территории Российского государства и осмыслена как её часть;
- оппозиция Россия – Сибирь, выраженная в семантике пространственных единиц в текстах Сборника Кириши Данилова, имеет характер не противопоставления (в структуре анализируемого семантического поля пространства СП 'Царство-государство – Сибирь' и 'Царство-государство – его территории' являются равноправными: соответственно 41 и 21 ЛЕ, репрезентирующие эти СП).

Таким образом, в языке произведений Сборника Кириши Данилова отражено, во-первых, представление о Сибири как о «своей», то есть о российской территории; во-вторых, описание Сибири как мало известной земли, почему оно и является настолько конкретно-топографическим.

Точность в отражении пространства Руси и Сибири в текстах Сборника Кириши Данилова достигается, в том числе, благодаря употреблению проприальной лексики, именующей и идентифицирующей реальные географические объекты. Семантическое поле пространства эксплицировано следующим образом: в СП 'Пространство – царство-государство', 'Царство-государство – Сибирь', 'Царство-государство – его территории', 'Царство-государство – чужие территории' апеллятивной лексикой выражен пространственный кон-

тинуум (*царство* (10), *государство* (4), *земля* 'страна, государство' (2), *страна* (1), *православный мир* (1), *сибирская украина* (1) и др.), а именами собственными – мозаика пространственных объектов (*Русь* (10), *Москва* (13), *Москва-река* (3), *Комарский острог* (9), *Селендинский острог* (2), *Тобольская гора* (4), *Медведь камень* (1), *Шингальский хребет* (1), *Байкал море* (1), *Амур* (3), *Чусовая* (2), *Серебряная* (2), *Иртыш* (1), *Комара* (1) и др.: *нельзя ни протти ни проехати (...)* ни соколомъ вонь вылетити / а из силна царства московскова и великова государства росискова... [КД, с. 415]; *онъ правитель царству московскому обережателъ / миру крещеному и всеи нашей земли светоруския...* [КД, с. 415]; *...когда москва женилась казань поне[с]ла понизовныя / города в приданья взела иркуца якуца енисейской городок а и новъгородъ былъ тысяцкою...* [КД, с. 499]; *...и скоро оне выгыли на тагиль реку у тово медведя камня/у магницкова горы становилися...* [КД, с. 344].

Восприятие мира сквозь призму оппозиции «свой» / «чужой», свойственное менталитету любого народа, отражено в анализируемых текстах устного народного творчества XVII–XVIII вв.: в семантике пространственной лексики, называющей и именующей места и объекты Московского царства, Сибири и других государств и земель (СП ближней периферии 'Пространство – царство-государство'; 'Царство-государство – Сибирь' и др.); в семантике непространственных единиц, именующих героев и обладающих высшей государственной властью лиц; обозначающих государственную власть, «правильную» веру, народы (СП, структурирующие дальнюю периферию семантической сферы II «Русь, Московское царство»: 'Царство-государство – власть'; 'Царство-государство – человек, герой'; 'Царство-государство – «гость», чужой человек'). Количественное соотношение употреблений ЛЕ, выражающих оппозицию «свой» / «чужой», – почти 5:1 (472 и 98 словоупотреблений, или 82,8% и 17,2% соответственно). Это подтверждает выраженность «государственного» взгляда на пространство Сибири, поэтически осмысленное как новое владение Московского царства, то есть как становящееся «своим» пространство.

ЛЕ, семантика которых структурирует семантическую сферу III «Физическое пространство, простор», называют различные объекты ландшафта (по преимуществу сибирского), непосредственно охватываемые глазом человека; выражают ориентацию человека в пространстве; обозначают признаки пространства и направления перемещения человека в пространстве (*река* (33), *берег* (2), *устье* (7), *протока* (5), *ручей* (1), *поле* (4), *луг* (1), *гора* (7), *ка-*

мень (6), хребет (1), пещера (3), городок (1), село (7), крепость (2), улус (3), юрты (1), понизовый (2), нижний (1), вниз (1), вверх (3), впасть (2), разлиться (1) и др.: ...во ... усяхъ тоболскихъ наизголове становилися... [КД, с. 344]; ...из раздолья широкова / с хребта шингалскова / из-за белова камня (...) выкоталася значемка... [КД, с. 444]; ...j нашли оне пещеру каменну на тои чюсовой рекъ на висячемъ болюшомъ каменю и зашли оне сверхъ/ того каменю опускалися в ту пещеру казаки... [КД, с. 344]].

Выявленные особенности формирования этой семантической сферы закономерны для отражения пространственного сознания в лексике текстов Сборника Кириши Данилова как с точки зрения художественно-стилистической специфики фольклора, в частности исторических песен (максимально точное обозначение особенностей рельефа отражает реальную действительность и создает образ пространства, помогающий выявлять героизм персонажей песен), так и с точки зрения лингвокогнитивной интерпретации результатов анализа (иерархия и вместе с тем взаимосвязанность ядерной СП 'Пространство – путь' и периферийных СП 'Место, сторона – география территории', 'Место, сторона – поселение', 'Поселение – двор, дом', 'Место, сторона – жить'). Выявленные особенности структурирования семантической периферии III «Физическое пространство, простор» и выражающих её СП закономерны для формирования семантического поля пространства в исследуемых текстах Сборника Кириши Данилова и моделируемой этим полем пространственной картины мира.

Антропоморфичность пространства, отражаемого семантикой пространственных и непространственных ЛЕ, проявляется в понимании его, в том числе, как результата целенаправленной преобразующей деятельности человека и как отражения социальных отношений человека: его хозяйственных, торговых, общественных связей; духовной жизни, военной организации и под. Такое представление о пространстве формируется на периферии семантического поля, поскольку для периферийных сфер поля характерно пересечение с другими семантическими полями, когда лексическая экспликация дальней периферии одного поля одновременно является выражением и другого поля или полей.

СП всего реконструированного поля пространства в текстах Сборника Кириши Данилова эксплицированы пространственными и непространственными ЛЕ и синонимическими, полионимическими, антонимическими, конверсивными и гиперо-гипонимическими ЛСП. В лексической экспликации

семантического поля пространства важную роль играют лексико-словообразовательные отношения. Однокоренные ЛЕ, составляющие, как правило, многокомпонентные ряды, объединены семантически (синонимия, антонимия и конверсивные отношения). СП 'Путь – идти, пойти'; 'Путь – везти'; 'Путь – драка'; 'Место, сторона – жить', в которых отмечены активные словообразовательные связи, в значительной степени структурированы значениями глагольных ЛЕ. Парадигматические и эпидигматические отношения между ЛЕ отражают общественный интерес к определённым компонентам пространственной картины мира, что находит выражение в актуализации элементов семантического поля, эксплицированных этими единицами и их взаимосвязями.

Особенность лексической репрезентации представлений о пространстве в исследованных фольклорных текстах составляют ЛЕ с коннотативным компонентом в структуре значения. У ряда таких ЛЕ выяснены лексические значения, не зафиксированные в Словаре русского языка XI–XVII вв.: *валить* – 'идти, двигаться большой волной', *облелеить* – 'окружить, обволакивая, обтекая со всех сторон'. Не являясь частью лексико-словообразовательных рядов (*летать, вылететь (вылетывать), налетывать, но выпархивать* и др.), ЛЕ с выраженным прагматическим компонентом значения входят в состав ТГ (*выплыть, поплыть, приплыть, переправиться и грянуть*), а также образуют ЛСП (*лететь – выпархивать, плыть – грянуть, бежать – метнуться – броситься, убежать – выкататься, облечь – облелеить*), в составе которых выражают аксиологию пространства и, как правило, фиксируют зоны пересечения поля пространства с другими семантическими полями.

Четвёртая глава «Концептуализация пространства в лексике текстов западносибирской деловой письменности XVII–XVIII вв.» состоит из двух параграфов.

Первый параграф «Характеристика источников изучения истории западносибирского (томского) старожильческого говора» посвящён систематизации памятников западносибирской деловой письменности XVII–XVIII вв., являющихся самыми ранними письменными источниками, которые содержат в себе отражение русского языка в Сибири. Источниковая база исследования составляет более чем 220 наименований рукописных и изданных памятников, а также картотек. Значительная часть привлечённых к исследованию региональных памятников делового письма имеет томскую локализацию, хронологически систематизирована и квалифицируется в работе как от-

ражающая историю одного из западносибирских старожильческих говоров – томского говора.

Во втором параграфе «Реконструкция семантического поля «Пашня» на материале текстов томских челобитных XVII в.» семантическое поле «Пашня» реконструировано в результате анализа семантики и семантических отношений 85-ти ЛЕ, зафиксированных в 189-ти употреблении.

Выбор источников predetermined сужение границ семантического поля пространства. Ракурс видения пространства Сибири характеризуется как антропоморфический: приближенность к человеку, «исхоженность», измеримость нуждами и заботами человека. Воплощение такого представления о осваиваемом, обживаемом пространстве проанализировано в лексической семантике на материале томских текстов жанра челобитной грамоты, отличающихся демократичностью языка и выраженной в них прагматикой. Кроме того, тексты представляют собой единство в тематическом отношении, поскольку посвящены проблеме снабжения хлебом русского населения и организации сибирской пашни в XVII в.

Реконструированное семантическое поле «Пашня» является фрагментом сибирской пространственной картины мира XVII–XVIII вв. и отражает представление о новых, занимаемых русскими поселенцами землях и одновременно их оценку с точки зрения человека-деятеля, земледельца и землепашца. Ядерные СП ‘Пашня – земля’, ‘Пашня – хлеб’ репрезентированы ЛЕ, семантика которых отличается от семантики имени поля «Пашня» минимумом семантических признаков и которые характеризуются высоким индексом употребления в текстах: *государева десятинная пашня* (21), *пахать* (9), *пашня* (4), *пашнишка* (4), *(государева) десятина* (4) и др. Ядро поля выражает представление носителей русского языка XVII в. о том, что пашня – *угожее место, земля*, дающая основной вид пропитания – *хлеб*: ...*к твоему гсдрву хльбному годовому жалованю к своим окладом не в давних лѣтах почелі было припахиват не повелику...* 1643 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 112, л. 412]; ...*и на тѣх наших пашнишках тот хльб у нас у холопей твоих по многие лѣта уходит под снег потому что снят ево некому...* 1643 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 112, л. 415]; *дали мнѣ под пашню вверхъ томи реки выше Сосновки речки версты з две на томи рѣке возле курю до уклону болия ялани...* 1650 г. [РГАДА, ф. 214, е.х. 381, л. 328].

С помощью логического анализа определены семантические сферы I «Как, каким образом ведется пашня» (СП ‘Пашня – селитьба’) и III «Пашня

где» (СП 'Пашня – новое место'), которые составляют ближнюю периферию поля «Пашня» и репрезентированы ЛЕ, обозначающими реальные географические объекты и места, действия человека, нацеленные на то, чтобы новое место стало *угодьем*, направление перемещения, расстояние (СП 'Пашня – селитьба': *дворишко* (4), *село* (4), *заимка* (3), *жить* (3), *поставить в пашню* (1), *посадить на пашню* (1); СП 'Пашня – новое место': *привоз* (13), *место новое* (2), *место украинное* (1), *ниоткуда* (3), *негде* (2), *блиско* (1) и др.).

Значения, выражающие свойства пашни, осложняют структуру семантического поля «Пашня» и определены как дальняя периферия. В СП дальней периферии, выделенной относительно семантических сфер I и III, семантика непространственных ЛЕ уточняет материальную сущность понятия «пашня»: СП 'Пашня – пашенный завод': *пашенный завод* (5); *лошадь* (2), *плуг* (1), *соха* (1). С помощью пространственных наименований и топонимов эксплицировано место расположения конкретных пашенных угодий, их границы: СП 'Пашня – граница': *болото* (3), *курья* (3), *лес* (2), *гора* (1), *Томь река* (3), *Басандайка река* (2), *Сосновка речка* (2). Размеры участков определены точно, что выражено с помощью ЛЕ, обозначающих единицы измерения длины, и ЛЕ, оценивающих величину надела: СП 'Пашня – размер': *верста* (3), *сажень* (2), *длиннику* (1), *большой* (1).

Ближнюю периферийную сферу II «Пашня какая» составляют значения, отражающие отношение носителей языка к пашенному делу на сибирской земле: СП 'Пашня – невероятные трудности': *недород* (4), *снеги (мелкие / большие)* (2), *уходить под снег* (1), *бить градом* (1), *пропасть даром* (1), *зима стала* (1), *хлебы запали* (1): ...а на твоих гсдрвх пашнях и на наших пашнишках хлѣбу недород в прошлом гсдрь во-РМС-году било градомь (...) была зима студенаіа а снегі были мѣлкіе и на тѣх на наших пашнишках на горах рож исчезлі корену выдула. 1643 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 112, л. 416]; ...волею бжсиею зима стала скорая и снеги укинули болише и хлѣбы всякие запали 1660 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 536, л. 113]. Собственно сибирские особенности пашни выражены в исследованном материале с помощью понятийного и коннотативного компонентов семантики непространственных ЛЕ и словосочетаний, с помощью грамматических и словообразовательных средств: конструкции с полным или частичным отрицанием (*привоу хлѣбным запасом ниоткуда нѣтъ; невозможно стало похату твое гсдрвы дестины; купит (хлѣб) негдѣ и неуково; пахат было нечим; семена хлѣбными завестис неоткуд; снят (хлѣб) некому*); лексемы, образованные с помощью

приставок со значением отрицания (*исчезла, безденежно*), полной утраты чего-либо (*выпахались, перевелись*), с приставкой *недо-* (*недород, недосылают, недосылка*).

Таким образом, семантическое поле «Пашня» представляет собой сложную многоярусную структуру, состоящую из качественно различных семантических компонентов: понятийного и аксиологического.

Исследование концептуальной структуры языка позволяет выявить наиболее важные свойства отражаемой языком действительности. Такие свойства представляют собой обобщённые признаки предмета или явления, которые рассматриваются как самые важные и необходимые для их познания. Существенными и общими свойствами концептуализированной предметной области – пространства Сибири – в трёх реконструированных семантических полях являются: осмысление территории Сибири как части России, Московского царства; точное топографическое описание территории Сибири; характеристика сибирской земли с точки зрения пригодности для преобразующей пространство деятельности русских людей, их оседлой жизни, хозяйственного освоения; определение необходимости достижения далёких сибирских территорий, перемещения субъектов и объектов (людей, вещей «русского товару») и знания пути к открытым землям. Различное в трёх реконструированных в работе семантических полях пространства проявляется в следующем: разный масштаб видения сибирского пространства (глобально-державный – в сибирских летописных и фольклорных текстах и индивидуально-личный – в челобитных); разный угол зрения на Сибирь как пространство (позиция открывателя, завоевателя, человека, осваивающего новые земли, – в текстах летописей и фольклоре; позиция человека, хозяина, живущего на земле, – в текстах челобитных).

Пятая глава «Формирование лексического выражения пространства в картине мира носителей сибирского (томского) старожильского говора» состоит из трёх разделов.

В первом разделе «Реконструкция пространственной лексики томского говора в его исходном состоянии (первая половина XVII в.)» понятие «томский говор» определяется в связи с историей заселения и освоения территории его бытования. *Томским* в работе называется говор, становление которого началось в Томске в первой половине XVII в., который исторически сложился на близко прилегающей к Томску территории (д. Емельяновых – с. Вершинино, д. Батурино, с. Спасское, с. Ярское) и отражал традиционный

для крестьянской Руси уклад жизни, состав носителей которого увеличивался благодаря естественному росту населения, мало подвергался изменениям извне. Следовательно, томский говор, как и среднеобские старожильческие говоры, сложившийся в XVII в. на полидиалектной основе, характеризовавшийся, однако, преобладанием севернорусских черт, в частности, в лексике [В. В. Палагина, 1973, 2007; Л. Г. Панин, 1985; Полный словарь сибирского говора (т. 1), 1991], эволюционировал по своим внутренним законам. Это позволяет говорить о историческом тождестве говора и его лексической системы, по аналогии с понятием исторического тождества слова. Таким образом, репрезентативность материала исследования подтверждена тем, что источники отражают один говор; исторически один и тот же говор; речь первопоселенцев и их потомков в практически не изменившемся или медленно изменявшемся историко-культурном контексте.

Необходимым условием изучения процесса формирования лексической репрезентации пространства в определённой языковой системе является восстановление исходного состояния этой системы как точки отсчета для анализа её изменений. Дополнение к разработанной В. В. Палагиной [1973] методике реконструкции говора вторичного образования в его исходном состоянии, заключается в том, чтобы учитывать при воссоздании лексического состава вторичного говора не только достаточно полярные по времени лексические материалы материнских говоров и такого говора в его современном состоянии, но и материалы, отражающие все периоды его истории. Гипотетичность реконструкции ЛЕ в говоре в его исходном состоянии уменьшается, поскольку расширяется сопоставительная база реконструкции.

В первом разделе пятой главы реконструированы в томском говоре в его исходном состоянии (первая половина XVII в.) номинативные ЛЕ, отражающие представление о сибирском пространстве, осваиваемом человеком-земледельцем, хозяином занятого им места: обозначения земельных участков, угодий, поселений и построек:

- 1) названия земельных участков, используемых как угодья;
- 2) названия регулярно обрабатываемых под посев участков;
- 3) названия частей пашенных угодий в системе севооборота;
- 4) названия мест для выпаса скота;
- 5) названия сенокосных угодий;
- 6) названия поселений;
- 7) названия усадеб;

- 8) названия построек для содержания скота;
 9) названия построек для хранения и переработки зерна.

Сравниваемый лексический материал (ЛЕ тех групп говоров европейской части Московской Руси, которые являются материнскими, – 958 ЛЕ; томского говора в его исходном состоянии в первой половине XVII в. – 54 ЛЕ; томского говора в период со второй половины XVII по начало XX в. – более 600 ЛЕ) и результаты проведенной реконструкции отражены в реферируемой работе в таблицах Приложения 1 (см., например, табл. 2).

Таблица 2. Названия усадьбы в материнских и томском говорах

ЛЕ материнских говоров XVI–XVII вв.				ЛЕ томского говора	
Восточная группа севернорусских говоров	Северная группа севернорусских говоров	Центральные говоры	Южнорусские говоры	Зафиксированные с начала XVII в. по начало XX в.	Реконструированные в исходном состоянии
Двор Дворище Дворишко Одворица Одворище Одворки Одворье Усада	Двор Подворье Усада	Двор Усада Усадебная земля Усадьба	Двор Дворище Дворовая земля Место дворовое Усад Усада Усадище Усадищечко Усадное место Усадье	Двор XVII–XVIII–XIX–XX вв. Дворишко XVII в. Имение нач. XIX в. Ограда XIX–XX вв. Огородное место XX в. Подвор XX в. Подворное место XX в. Подусада XX в. Поместье XX в. Приусадебный участок XX в. Усад XVII в. Усадбище XVII в. Усадебная земля XX в. Усадебное место XIX в. Усадьба XIX–XX вв. Хозяйство XX в.	<u>Двор</u> ¹ <u>Дворишко</u> <u>Усад</u> <u>Усадбище</u> **Усадьба ***Усадебное место ***Усадебная земля

Конкуренция ЛЕ и вхождение их в томский говор в его исходном состоянии (первая половина XVII в.) обусловлены комплексом причин: 1) экстралингвистических, например: отсутствие в сибирском говоре подсечно-огневой терминологии (*выгарь, гаревое место, паленина, пальник, жгань, огнище, дерба, дрань, новотереб, потереб, осечек, подсека, новочисть* и пр.) обусловлено архаичностью подсечно-огневого способа земледелия и освоением под пашню в Сибири участков, уже «подготовленных» природой, свободных от леса; отсутствие в говоре многих наименований мест, пригодных для сенокосения и выпаса скота, объясняется неразвитостью животноводства в Томске и на всей сибирской территории в исследуемый период; 2) интралингвистических:

¹ Подчёркнуты зафиксированные в томских деловых памятниках первой половины XVII в. ЛЕ, большее количество звездочек у ЛЕ обозначает большую степень гипотетичности ее реконструкции.

- общерусская ЛЕ / ареально ограниченная;
- широкий / узкий ареал ЛЕ;
- степень употребительности ЛЕ;
- поддержка языковой системы (семантические и словообразовательные связи).

Установлено, что для конкурирующих ЛЕ материнских говоров определяющей была их максимально широкая территориальная отнесённость (56% пространственных ЛЕ, зафиксированных в томских памятниках деловой письменности первой половины XVII в., характеризуются как общерусские); что удовлетворение семантической потребности в наименовании также являлось важным: отражение в лексическом значении ЛЕ новых сибирских реалий и новых условий хозяйствования, с которыми пришлось столкнуться русским людям, актуальный способ репрезентации этой семантики ('регулярно обрабатываемый под посев участок' – *оранина* (0 фиксаций в томском говоре XVII в.) / *плуженина* (0) / ****нива** (1) / *пашня* (9)); 'новое поселение' – *пустошь* (0) / *починок* (0) / *заимка* (3); 'место с жилыми и хозяйственными постройками' – *двор* (2) / ****усадьба**(0).

Во втором разделе пятой главы «Формирование пространственной лексической системы томского говора во второй половине XVII–XVIII вв.» прослежено развитие состава ТГ лексики с пространственной семантикой и описано становление ЛСП. В исследуемый период количество пространственных ЛЕ в томском говоре увеличилось в среднем на 55,8% от общего количества таких ЛЕ в говоре первой половины XVII в.: говор пополнился ЛЕ, не зафиксированными в нём в его исходном состоянии и являвшимися территориально маркированными. Такие ЛЕ часто оказывались дериватами единиц, уже известных в говоре: *анбарушка* (наряду с существовавшим *амбар* (*анбар*)); *поскотинный выпуск*, *скотский выпуск* (ср.: *скотинный выпуск*); *залог* (ср.: *заложная земля*, *переложная земля*). Они могли быть дериватами слов, не зафиксированных в говоре первой половины XVII в.: *логотина*, *полой*, *релка*, *сырец*, *завозня* и др. Произошло пополнение лексического состава говора небольшим количеством ЛЕ неисконного происхождения (*мангазей*, *рига*, *сарай*, *хлев*).

Некоторые ЛЕ, известные в томском говоре с первой половины XVII в., вышли из употребления: *острог*, *займище*, *житница*. К началу XIX в. перестало функционировать значительное количество ЛЕ – устойчивых словосочетаний: *пашенный лес*, *пашенное место*, *пахотное место*, *хлебородное ме-*

сто, луговое место, угодье место, переложная земля, скотинный выпуск и др. Вместо них стали (или остались) употребляться слова-синонимы (дикое поле, дикая земля, порозжая земля > сырец), часто являвшиеся однокорневыми с утратившимися ЛЕ (сенокосный покос, сенной покос > сенокос, покос; угодье, выпуск, залог и др.).

Во второй половине XVII – начале XVIII вв. между лексическими единицами томского говора складываются гиперо-гипонимические, синонимические, антонимические отношения. Результаты наблюдений над формированием структурируемых этими отношениями ЛСП (в составе девяти ТГ), обобщены и отражены в одной из таблиц Приложения 2 диссертационного сочинения (фрагмент такой таблицы приведён ниже – в табл. 3).

Таблица 3. Тематическая и семантическая систематизация ЛЕ с пространственной семантикой в томском говоре XVII–XVIII вв.

ТГ	ЛСП				
	Синонимы	Гиперонимы и гипонимы		Ко нве рс.	Анто- нимы
Названия частей пашенных угодий в системе севооборота	Яровое поле – яровище; озимь – озимое поле – ржище; переложная земля – перелог – заложная земля – залог.	Гиперонимы	Поле, пашня, паханая пашня 'обрабатываемый участок, пашенное угодье'		Яровое поле, яровище ↔ озимое поле, озимь, ржище.
		Гипонимы	Яровое поле, яровище; озимое поле, озимь, ржище; овсище, льнище; зябледь, выпашь, пустая земля, переложная земля, перелог, заложная земля, залог, целик, дикая земля, сырец и др.		

Развитие лексической системы томского говора в период со второй половины XVII в. по XVIII в. происходило под влиянием экстра- и интралингвистических причин, однако последние детерминировали лексические изменения в томском говоре в большей степени, чем в предыдущий период истории говора, в первой половине XVII в. Кроме того, в сибирском говоре протекали процессы, отражавшие закономерности формирования лексической системы русского национального языка в исследуемый период (стремление к внутреннему единству, к упрощению языковой структуры, к универсализации словарного состава). Изменение значений проанализированных ЛЕ, формирование их синтактики и парадигматики обусловлены внутренним развитием самой системы говора, стремлением его носителей к максимально точному выражению представлений о осваиваемом пространстве.

В третьем разделе пятой главы «Семантическая эволюция пространственных лексических единиц в лексической системе томского го-

вора в диахронии» определены принципы, разработана и апробирована методика когнитивного семантического анализа пространственных ЛЕ, являющихся частью лексической системы томского говора на протяжении четырёх веков его существования. Проанализированы (в проспективной логике) семантическая эволюция лексемы *заимка* в томском говоре в период с начала XVII в. по первую половину XX в. и семантическая эволюция ЛЕ *удодье, угрожее место* и однокоренных с ними единиц в период XVII–XVIII вв.

- Говор понимается как система, имеющая территориально-культурную обусловленность, его сущность не сводится только к его структурному своеобразию, а проявляется в строении диалектных текстов, в особенностях диалектной коммуникации, «в особой картине мира, реализуемой в общении на диалекте»⁹.

- Семантическая структура ЛЕ и структура её лексического значения в диахронии должны анализироваться с не меньшей степенью глубины и точности, чем в синхронии.

- С целью выявления семантической эволюции ЛЕ в лексической системе говора использован традиционный в исторической лексикологии историко-культурологический анализ; наряду с этим – синхронический метод системно-структурного анализа; совмещён собственно семасиологический аспект исследования (семная структура понятийного компонента семемы; синтагматическое структурное значение) с ономасиологическим (денотативная отнесённость, парадигматические отношения, деривативные связи).

- Когнитивная интерпретация результатов историко-семасиологического анализа ЛЕ состоит в объяснении произошедших семантических сдвигов как экспликации ментальных изменений – процессов постижения, освоения пространства Сибири.

Установлена последовательность анализа изменений в семантике ЛЕ.

1) Словарная верификация ЛЕ.

2) Выяснение исходного значения ЛЕ (например, у лексемы *заимка* это значение 'действие по глаголу *занять*').

3) Анализ синтактики и парадигматики описываемой ЛЕ в контекстах, отражающих её употребление и хронологически систематизированных. Для этого определяются типовые синтагматические связи анализируемых ЛЕ в детерминативных атрибутивных (*земляная; пашенная; особая; другая наша;*

⁹ Гольдин В. Е. Диалектный текстовый корпус как источник изучения культурно-когнитивной и коммуникативной специфики диалекта / В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы Междунар. конф. 23-25 окт. 2006 г. – М., 2006. – С. 49.

своя; их заимка), именных (заимка с распашиными и заложными землями; с амбарами и скотскими дворами), объектных (пахать; купить заимку), предикативных синтагмах (заимка есть). Выявляются парадигматические отношения, вследствие которых ЛЕ образуют ТГ; синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические, конверсивные ЛСП (в томских текстах в первой половине XVII в. ЛЕ заимка 'земля' – пашня; заимка – земля; заимка 'поселение' – деревня – слобода являются синонимами, а в XVIII–XIX вв. слово заимка образует еще одну синонимическую ЛСП заимка – усадьба).

4) Компонентный анализ каждой семемы в каждый исследуемый период истории говора (например, одно из значений слова заимка в XVII–XVIII вв. определено как 'участок земли, занятый кем-либо для хозяйственного использования'. В этой семеме определяются семы: 'место, участок, земля'; 'результат действия «занять»'; 'владение, принадлежащее кому-либо'; 'использование для распашки и выращивания хлеба'; 'место, где живут'. Такая структура лексического значения обуславливает включённость лексемы заимка при его типовой сочетаемости со словами пашенная, земляная, распашиная в определённые синонимические ряды. Когда семы 'результат действия «занять»', 'использование для распашки и выращивания хлеба' становятся периферийными в XVIII–XIX вв., слово заимка начинает употребляться в новом значении 'отдельная усадьба с хозяйственными постройками' и образует иную синонимическую ЛСП заимка – усадьба).

5) Выявление и интерпретация изменений в семантике ЛЕ (например, эволюция семантики отглагольного существительного заимка является результатом ряда последовательных метонимических переносов, когнитивно детерминированных изменениями представления о реалии у носителей томского говора: 'действие по глаголу занять' → 'место, занятое кем-либо для хозяйственного использования' → 'отдельная усадьба с хозяйственными постройками' // 'отдельно стоящая хозяйственная постройка').

Ретроспективное направление семасиологического и ономазиологического анализа осуществлено в ходе выяснения семантической эволюции ЛЕ елань, поле, луг, кулига в томском говоре XVII–XX вв. ЛСП елань – поле – луг – кулига в современном томском говоре, во-первых, образована различными парадигматическими отношениями (синонимии: елань – поле, кулига – кулижка; антонимии: елань ↔ луг; гиперо-гипонимическими: луг – кулига, кулижка, поле – луг, елань); во-вторых, на уровне словника единицы, входящие в данную парадигму, характеризуются как общерусские (поле, луг) и как

имеющие ареал (*кулига, кулижска, елань*). Процесс формирования и развития этой ЛСП охарактеризован как взаимообусловленное изменение семантики ЛЕ, ее компонентов в разные периоды истории томского говора.

Таким образом, формирование лексики с семантикой пространства и последующее развитие структуры лексического значения и семантической структуры пространственных ЛЕ, изменение их парадигматики и эпидигматики обусловлены необходимостью лексической объективации пространственной картины мира носителей томского говора, которая должна являть собой единство стабильности, устойчивости и динамичности, чтобы адекватно отражать ориентацию человека в пространстве и чтобы человек мог уточнять и конкретизировать свои пространственные представления в процессе жизнедеятельности.

В заключении обобщены результаты проведенного исследования, подведены его итоги.

Мало изученное в диахроническом аспекте направление когнитивной лингвистики – когнитивная семантика – получило в реферируемой работе теоретико-методологическое обоснование и апробацию на материале, отражающем историю лексики русского языка в Западной Сибири XVII–XVIII вв.

Языковая концептуализация пространства Сибири объяснена как структурирование семантики пространственных ЛЕ в семантических полях пространства, реконструированных на основании анализа текстов западносибирских памятников письменности XVII–XVIII вв. Реконструированные семантические поля пространства выражают существенные свойства сибирского пространства. С помощью сравнительного анализа структуры и лексической репрезентации семантических полей установлена вариативность и динамизм пространственной картины мира носителей русского языка в Западной Сибири XVII–XVIII вв.

Семантическая эволюция ЛЕ, обозначающих пространство в сибирском (томском) старожильчёмском говоре проанализирована как неотъемлемая составляющая развития его лексико-семантической системы в исследуемый период (в ряде случаев с первой половины XVII по XX в.) и интерпретирована как отражение процесса языкового объективирования сибирского пространства.

Результативным является привлечение для историко-лексикологического семасиологического полиаспектного анализа комплекса текстов, которые характеризуются достаточным объёмом, созданы на одной

территории в один и тот же исторический период, различаются же в жанрово-стилистическом отношении (памятники деловой письменности; летописи и тексты фольклорных произведений).

Два приложения содержат обобщающие таблицы, подтверждающие выводы по разделам диссертации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В ПУБЛИКАЦИЯХ:

Публикации в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, включённых в реестр ВАК Минобрнауки РФ

1. Инютина Л. А. О структуре семантического поля «пашня» в текстах томских челобитных XVII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – 2008. – Т. 7, вып. 2. – С. 70-77 (0,88 п. л.).
2. Инютина Л. А. Семантическая история пространственного наименования в одной лексико-фразеологической системе (начало XVII – начало XX вв.): принципы и методика анализа // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 1. – С. 130-141 (1, 38 п. л.).
3. Инютина Л. А. К методике реконструкции семантического поля по данным памятников письменности донационального периода // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 4. – С. 85-92 (0,88 п. л.).
4. Инютина Л. А. О закономерностях формирования пространственной лексики в истории русского языка в Западной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 2. – С. 33-39 (0,75 п. л.).
5. Инютина Л. А. Лексическая репрезентация семантического поля пространства в сибирских фольклорных текстах XVII-XVIII веков (статья первая) // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 55-64 (1,13 п. л.).
6. Инютина Л. А. Закономерности становления и развития фрагмента пространственной лексической системы в истории русского языка в Западной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 9. – С. 21-28 (0,88 п. л.).
7. Инютина Л. А. Семантическое поле пространства в отражении лексики Сибирских летописей XVII–XVIII вв. как модель пространственной карти-

ны мира // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 1 (17). – С. 14-23 (0,56 п. л.).

8. Инютина Л. А. Развитие пространственных лексико-семантических парадигм в вокабуляре русского старожильского говора Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 355. – С. 19-23 (0,6 п. л.).

Монография

Инютина Л. А. Лексическое выражение пространства в картине мира носителей сибирского (томского) старожильского говора XVII–XVIII веков : монография / Л. А. Инютина. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2012. – 216 с. (12,6 п. л.).

Публикации в журналах, сборниках статей, материалах конференций и других изданиях

1. Инютина Л. А. Тематическая группа «Названия хозяйственных построек для скота» в томском говоре (исходное состояние, история) // Лингвистический и эстетический аспекты анализа текста : материалы Междунар. науч. конф. 4-5 дек. 1997 г. – Соликамск, 1997. – С. 27-29 (0,15 п. л.).
2. Инютина Л. А. История семантики лексических единиц с корнем *-лог-* и формирование лексической системы диалекта // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 3-5 дек. 1998 г. – Бийск, 1998. – Т. 1. – С. 215-219 (0,31 п. л.).
3. Инютина Л. А. «Заимка» и «займище» в истории томского говора // Предложение и слово : докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. – Саратов, 1999. – С. 228-232 (0,38 п. л.).
4. Инютина Л. А. История слова «заимка» в лексико-семантической системе томского говора (XVII-XX вв.) // Проблемы лингвистического краеведения : материалы Межвуз. науч.-практ. конф. / сост. Т. А. Сироткина ; отв. ред. О. В. Гордеева ; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2002. – С. 114-121 (0,45 п. л.).
5. Инютина Л. А. История общерусских наименований сенокосных угодий в говоре вторичного образования // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф. (Томск, 21-23 окт. 2003 г.). – Томск, 2003. – Вып. 2, ч. 1. – С. 147-156 (0,56 п. л.).
6. Инютина Л. А. Терминологические сочетания «дикая земля» и «дикое поле» в истории томского говора (XVII-XVIII вв.) // Лингвистические и эс-

- тетические аспекты анализа текста и речи : сб. ст. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. : в 3 т. – Соликамск, 2004. – Т. 2. – С. 73-77 (0,6 п. л.).
7. Инютина Л. А. Развитие семантики названий сенокосных угодий в говоре вторичного образования // Проблемы современной русской диалектологии : тез. докл. Междунар. конф. 23-25 марта 2004 г. – М., 2004. – С. 53-55 (0,15 п. л.).
 8. Инютина Л. А. О собственно лингвистических факторах формирования лексической системы говора вторичного образования // Языковая концепция регионального существования человека и этноса : материалы II Всерос. науч. конф. (7-9 окт. 2004 г.). – Барнаул, 2005. – С. 213-221 (0,5 п. л.).
 9. Инютина Л. А. Слова с корнем *-год-* в языке текстов сибирской деловой письменности XVII – начала XVIII в. // Предложение и Слово : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 2006. – С. 163-167 (0,3 п. л.).
 10. Инютина Л. А. *Елань – поле – луг – кулига* в процессе формирования сибирского русского старожильского говора // Актуальные проблемы русской диалектологии : тез. докл. Междунар. конф. 23-25 окт. 2006 г. – М., 2006. – С. 70-72 (0,15 п. л.).
 11. Инютина Л. А. Пространственная лексика Сибири в XVII в.: семантика и словообразование // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. конф., посвящ. юбилею акад. МАН ВШ, д-ра филол. наук, профессора О. И. Блиновой. – Томск, 2006. – Вып. 3 : Языковые аспекты регионального существования человека – С. 546-554 (0,5 п. л.).
 12. Инютина Л. А. Глаголы, выражающие освоение пространства, в русском языке Сибири XVII в. // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А. Х. Востокова) : материалы Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 15-17 нояб. 2006 г. / отв. ред. В. А. Козырев. – СПб., 2006. – С. 47-50 (0,25 п. л.).
 13. Инютина Л. А. Формирование лексической парадигмы в одном сибирском говоре // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (30 нояб.-1 дек. 2006 г.) / Бийский гос. пед. ун-т им. В. М. Шукшина. – Бийск, 2006. – С. 413-418 (0,3 п. л.).
 14. Инютина Л. А. Семантический контекст слова *пашня* в текстах сибирских челобитных XVII в. // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: межвузовский сборник научных статей / отв. ред. С. П. Петрунина. – Новокузнецк, 2007. – Вып. 2. – С. 24-29 (0,4 п. л.).

15. Инютина Л. А. Слово *пашня* в текстах сибирских челобитных XVII века // Язык, литература и культура в региональном пространстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. И. А. Воробьевой. Барнаул, 3-7 окт. 2007 г./ под ред. Л. И. Шелеповой. – Барнаул, 2007. – С. 178-183 (0,4 п. л.).
16. Инютина Л. А. Освоение Сибири в глагольном выражении (XVII в.) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск, 2007. – Вып. 5. – С. 52-55 (0,4 п. л.).
17. Инютина Л. А. Конструирование семантического поля пространства по данным памятников западносибирской деловой письменности XVII века // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества : тез. докл. Междунар. конф. 19-21 октября 2009 г. – М., 2009. – С. 86-88 (0,15 п. л.).
18. Инютина Л. А. Вопросы реконструкции семантического поля на материале региональных памятников письменности XVII-XVIII вв. // Предложение и слово / отв. ред. С. В. Андреева. – Саратов, 2010. – Кн. 1 : Сборник научных трудов. – С. 102-108 (0,45 п. л.).
19. Инютина Л. А. Пространственные лексические парадигмы в сибирских фольклорных текстах XVII-XVIII вв. // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах : материалы науч. экспедиций / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск, 2010. – Вып. 8 : Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе. – С. 43-51 (1,12 п. л.).
20. Инютина Л. А. Семантическое поле пространства сибирского фольклора XVII-XVIII вв. в глагольном выражении // Язык и литература в региональном пространстве : материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. И. А. Воробьевой. Барнаул, 6-9 окт. 2010 г. / под ред. Л. И. Шелеповой. – Барнаул, 2011. – Вып. 2. – С. 254-261 (0,45 п. л.).
21. Инютина Л. А. Понятие власти в пространственной картине мира, выраженной лексикой сибирских летописей XVII-XVIII вв.: Есиповская летопись // Social science (Общественные науки). – 2011. – № 3. – С. 51-56 (0,4 п. л.).

Подписано в печать 16.04.2012г.

Формат 60x84 1/16

Бумага книжно-журнальная

Усл.печ.л. 3,12

Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский отдел КузГПА
654000 г.Новокузнецк, ул.Покрышкина, 16.

Тел.: (3843) 45-62-40

102